

СЕРГЕЙ ЧЕ

Ученица

ОЛИГАРХА

СЕРГЕЙ ЧЕ
УЧЕНИЦА
ОЛИГАРХА

18+

Annotation

Восемнадцатилетняя провинциальная девочка по вызову, зарабатывающая на жизнь подставами и собственным телом, может стать наследницей стомиллиардного состояния. Если пройдет обучение в академии бизнес-магии. Если научится ходить по трупам. И если ей повезет. Ей придется это сделать, иначе ее убьют. Таковы правила игры – выживет только победитель. Впрочем, есть другой путь. И что она выберет – зависит только от нее.

Содержит нецензурную брань.

Сергей Че

Ученица олигарха

Глава 1. Девочка из чемодана

Ей восемнадцать, и скоро она не сможет работать.

Уже сейчас ей приходится перетягивать груди бинтами, чтобы они не слишком выпирали. Но если верх еще как-то можно скрыть, то бедра и зад – никак. Разве что напялить что-нибудь бесформенное, но на бесформенное не клюют.

– Будешь так жрать, – сказал ей как-то Банзай, – закрою в чулане на хлеб и воду. За неделю похудеешь.

– Ага, – прошамкала она, уминая кусок торта. – Рискни.

Пустые угрозы. Они не тронут ее, пока она приносит клану больше всех денег. Сочетание женственной фигуры, длинных ног и почти детского личика, с немного вздернутым носиком и пухлыми губами, действует на клиентуру безотказно.

Сейчас на ней белые кеды, короткие белые шорты и белый топик с вышитыми мультяшными героями. За спиной – розовый рюкзак, из которого даже торчат учебники. Ни дать, ни взять гуляющая после уроков школьница. Ищет приключений на свою уже вполне сформировавшуюся попу. Мечта педофила.

Справа тянется ограда парка. Слева припаркованы в ряд машины.

Она замечает впереди золотистый «ленд ровер» и идет медленнее, старательно разглядывая деревья за оградой.

Клюнет? Не клюнет?

Она начинает едва заметно качать бедрами. Кто мельком посмотрит – не заметит. Тот, кто следит – поймет, зачем она это делает.

Дверца «ленд ровера» хлопает.

Клюнул.

Мужик загораживает ей дорогу.

– Девушка! Можно задать вам нескромный вопрос?

На нем дорогой светлый пиджак и цветастая рубашка. За черными очками глаз не видать, но это определенно он. Мускулистый, крепкий, с густыми темными волосами и скуластым лицом. Ему лет тридцать пять. Явно при деньгах. Выглядит прилично. Чего дураку не хватает?

– А? – Она останавливается, хлопая ресницами и приоткрыв рот.

Год назад она часами репетировала перед зеркалом, как правильно приоткрывать рот, чтобы не выглядеть идиоткой. Сейчас это получается на автомате.

Он подходит к ней вплотную, смотрит сверху вниз и тихо говорит:

– Хотите заработать двести тысяч рублей примерно за час работы?

Она облизывает язычком губы и краснеет. Этому пришлось учиться еще дольше – краснеть по заказу.

– Хочу, – выдавливает она из себя. – А что надо будет делать?

– Садись в машину, все объясню.

Она делает шаг назад.

– Мне запрещают садиться в машину к незнакомцам.

– Не бойся, не обижу. Можешь не закрывать дверь. Убежишь, если что не понравится. Хорошо?

Она, подумав, кивает и идет к машине, чувствуя его взгляд на своих ногах и пятой точке. Открывает дверь, сбрасывает рюкзак на пол и медленно садится, прогнувшись в пояснице, чтобы подчеркнуть объемистый круглый зад. Уже на этой стадии опытные клиенты спрашивают: «Ты случайно не профессионалка?»

Этот клиент неопытный.

Он обегает свой «ленд ровер» и садится на водительское. Снимает очки и широко улыбается. Глаза у него сальные и бегающие, как и у всех. Да, это точно он.

– Меня зовут Павел. А тебя?

– Лена.

На самом деле ее зовут по-другому, но разовому клиенту это знать не обязательно.

– Красивое имя. Думаю, ты догадываешься, какую работу я предлагаю.

Она поднимает голову и невинно таращит глазки.

– У вас модельное агентство?

Он делано смеется.

– Нет у меня модельного агентства. Все намного проще. Ты очень красивая девочка. И уже взрослая. Ты ведь знаешь, чего хотят мужчины, когда знакомятся с красивыми девочками?

Она сперва смущается, потом тихо спрашивает:

– Вы о сексе?

– Это грубое слово. Давай заменим его на, скажем, «заниматься любовью». Ты ведь уже занималась любовью?

Она прыскает в кулак и снова краснеет.

– Ну... да... немного.

– Значит, ты не только красивая, но и опытная. Хорошо. Мы сейчас с тобой займемся любовью. После чего я заплачу тебе двести тысяч. Договорились?

Она молчит, вертит головой и дергает ногами. Подсмотрела в свое время, как ведет себя при похожем разговоре одна девственница.

– Если боишься, что я тебя обману – не бойся. Вот аванс.

Он достает запакованную пачку тысячных купюр и медленно кладет ей на колени. Как бы невзначай, убирая руку, гладит по голому бедру. Она не отстраняется, и он решает, что это хороший знак. Можно дожимать.

– В сущности, ты ведь ничего не теряешь. А приобрести можешь многое. Подумай, что бы ты купила.

Ее лицо приобретает мечтательное выражение. Сейчас она представляет, на что будет тратить заработанные деньги. Ну, айфон понятно. А на сдачу – туфельки, шмотки...

Его ладонь не стесняясь наглаживает бедро уже в районе попы, временами сжимая пальцами нежную молодую плоть.

– Можешь убрать аванс в рюкзачок. Остальное получишь сразу после, – он показывает ей вторую пачку тысячных и кладет ее перед собой на торпеду.

Она долго смотрит на пачку денег на своих коленях. Беспечно елозит задом по креслу. Наконец, наклоняется и убирает аванс в рюкзак.

– Умница, девочка, – улыбается он. – Ты не пожалеешь.

Его рука проникает под пояс шорт. Пальцы сильно сжимают ягодицу.

– Какая у тебя сочная попка, – шепчет он, наклоняясь ближе. – Мягкая, нежная.

Она судорожно сжимает бедра и смотрит перед собой, то ли прислушиваясь к новым

ощущениям, то ли набираясь смелости сбежать. Отворачивается к открытой двери. Где-то далеко идут люди. Но вряд ли они заметят, даже если подойдут ближе. Он специально загнал «ленд ровер» чуть ли не в кусты.

Это опасная ситуация. Дичь может реально ломануться через заросли вон из машины. Теперь надо одновременно атаковать и отрезать путь к отступлению.

Он притягивает ее к себе, перемещает обе руки вверх и быстро задирает ей топик до шеи. На свободу выпрыгивают крупные торчащие груди. Сверху их сжимают марлевые бинты, и он поднимает их вслед за топилом. «Зачем ей бинты?» – мелькает мысль, но тут же исчезает, снесенная роскошным видом. Груды прекрасны. Плотные, налитые, с аккуратными, розовыми, уже набухшими сосками.

– О, боже, – бормочет он и впивается в ближайший сосок. – Ты великолепна. Подними руки.

Она послушно выполняет команду.

Топик с бинтами сдирается окончательно и летит куда-то в район задних сидений.

Всё. Теперь точно не сбежит. Сисек постесняется. Вон как пытается прикрыть одну ладошкой, пока он жадно сосет другую.

Девочка готова, думает он, слушая ее тяжелеющее дыхание.

Его рука возвращается к тесно сжатым бедрам, стараясь засунуть между ними пальцы.

– Раздвинь ляжки, детка, – отрывается он от соска.

Она откидывается на спинку кресла и немного разводит ноги.

Рука тут же перемещается к промежности, пальцы настырно проникают под шорты и трусы и нащупывают влажную припухлую щелку.

– О, да ты уже течешь. Моя сладкая щелочка.

«Это смазка, дебил, – хочет сказать она. – Специально полтюбика выдавила, чтобы ты не отвлекался». Но вместо этого начинает двигать бедрами и постанывать.

Ее уже не первый раз тошнит от этих одинаковых, стремных эпитетов и приказов. Сладкая щелочка, сочная попка, раздвинь ляжки, вставай раком. Не могут ничего нового придумать, уроды.

Один из пальцев находит, наконец, вход.

Она вскрикивает и отстраняется.

Его мутный, сальный взгляд становится осмысленным.

– Ты что, девственница? Ты ж говорила, что...

– Ну да... занималась... просто не туда.

– А, – он вынимает из ее трусов руку. – Тогда придется наши планы немного поменять.

Он заводит машину и нажимает кнопку. Открытая дверь захлопывается.

– Поехали.

Черт! Это совсем не по плану! Предыдущих девок он пялил в машине, убрав задние сидения.

– Куда?! – шипит она, позабыв, что ее роль – нежный цветочек, призванный молчать, слушаться и раздвигать ляжки.

– Ко мне. Тут недалеко.

– Зачем? Мы так не договаривались!

– Девочка моя, милая. Когда в первый раз занимаешься любовью «туда», выделяется некоторое количество крови. Которую лучше подмыть. Да и в целом это лучше делать на удобной кровати, чтобы тебе было комфортно. Понимаешь? Дома все это есть. Кровать,

биде, душ. Даже джакузи. Полежишь потом, расслабишься.

«Ага, кровать, душ. Как же. Боится, что я его салон бежевый запачкаю, уродец.»

– Нет! Я никуда не поеду!

– Но почему?

– Я вас боюсь! Отвезете в глухомань, бросите в яму и будете, как секс-рабыню пользоваться!

– Господи... Какие глупости.

– Или здесь, или нигде. У меня есть салфетки. А у вас в багажнике – наверняка какое-нибудь покрывало. Без душа и кровати обойдемся.

Он почесал подбородок.

– Хм, а ты права. Покрывало действительно есть.

Конечно, есть, думает она. Я ж его видела.

Он снова оглядел ее сальным взглядом.

– Первый раз встречаю девственницу, которая раздает ценные советы, как ее трахать. Ладно. Твоя взяла. Остаемся тут. И начнем с малого. Потом назад переместимся. С покрывалом.

Он провел рукой по ее шее, пропустил сквозь пальцы длинные светлые волосы, положил ладонь на ее затылок и притянул к себе.

– Только не говори, что минет ни разу не делала. Не поверю. С таким-то рабочим ртом. Твои пухлые губки просто созданы, чтобы заглатывать по самые яйца.

Он с силой нагнул ее голову к своему паху.

– Давай, займись. А то он стоит с тех пор, как я тебя увидел. Подумать только. С таким роскошным телом, и до сих пор целка.

Она упиралась носом в набухший твердый бугор на джинсах.

– Ну? Чего ждешь? Доставай.

– Закрой глаза, – прошептала она.

– Это еще зачем? Я должен видеть, как тебя в рот натяну. Просто обязан.

– Закрой. Пожалуйста. Я стесняюсь.

– О, боже...

Он откинул голову на подголовник и закрыл глаза.

– Действуй, шлюха-девственница. Сделай дяде приятно.

Рано. Слишком рано. Придется тянуть время.

Она наглаживала бугор на джинсах обеими руками, чувствуя, как он становится все тверже и длиннее.

– М-м, кайф, – мычал клиент, мотая головой. – Доставай его уже скорее.

Ага. Разбежалась.

За ветровым стеклом мелькнула тень и послышался едва различимый стрекот.

Пора.

Она на всякий случай закрылась плечом и стала водить головой над пахом клиента. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Сперва медленно, наклоняя голову, будто облизывала и ласкала языком. Потом все быстрее и быстрее, делая вид, что насаживается головой на ствол.

– Ты там заснула что ли? Доставай, говорю.

Он открыл глаза.

– Мля! Какого хрена! Ты чего делаешь, сука?!

– Внимание, папик, – ухмыльнулась она. – Вас снимает скрытая камера.

За ветровым стеклом висел маленький белый дрон.

Вытаращенный глаз объектива смотрел прямо на парочку.

– А ну вон отсюда, тварь!

Он отбросил ее в сторону.

Обе передние двери вдруг распахнулись.

– Э, не так быстро, уважаемый!

Банзай стоит слева, Прикол справа.

В руках у них мини-камеры.

Она заранее, пока у него были закрыты глаза, избавилась от шорт и трусов, и нюхнула какой-то слезоточивой гадости. Теперь стоит раком, сверкая голой промежностью и заплаканным кукольным личиком. Прикол как всегда с серьезной мордой, наклонился, делая крупный план натруженной вагины с кровавыми следами (заранее нанесенная смазка с красными добавками).

– Как вам не стыдно, уважаемый, – качает головой Банзай. – Трахнули маленькую девочку. Выебали ее во все, можно сказать, дыры. Довели до слез.

– Идите вон, уроды! У меня с ней ничего не было!

– Ну, это ты так думаешь. А вот камера беспилотника зафиксировала, как ты трахаешь ее в рот. И неважно, что твой огрызок в кадр не попал. Его просто за торпедой и рулем не видно. Зато видны характерные движения головой девушки. Любой суд признает, что половой контакт наличествует.

– Любой суд по вашей записи признает, что движения головой были добровольные. Никто ее не принуждал. Так что идите к черту.

Банзай поцокал языком.

– Есть одна маленькая проблемка, уважаемый. Дело в том, что совершенно неважно, по согласию ты ее выебал. Или избил перед этим. Потому что девочке... четырнадцать лет.

Клиент побелел.

– Что?! Ей? Четырнадцать?

– Да, уважаемый. Вот паспорт, – Банзай раскрыл и показал ему бордовую книжицу. – Только что ею полученный. Можете посчитать, вот дата рождения.

Новые паспорта в клане были самой главной графой расходов. Их приходилось рисовать почти каждый квартал.

– Не верю.

– Я понимаю. Вон какая жопа выросла. Жопе лет двадцать можно дать. А теперь посмотрите на личико, – Банзай протянул руку и приподнял ей подбородок. Она невинно захлопала глазками. – Ну неужели не видно, что еще малышка. Маленькая, глупенькая. В школу еще ходить и ходить. Ну, округлилась, где надо. Так акселерация же. Зайдите в любую школу. Там такие коровы ходят, смело можно раза в два надои увеличивать. Да кому я это рассказываю. Вы же сами все знаете. Не просто так здесь пасетесь. Там школа, а здесь школьницы табунами ходят. Утром и вечером. Каждый день кроме воскресенья. Я прав?

Клиент сверлил Банзая злобным взглядом.

– А вы на этих школьниц, как на антилоп охотитесь. Каждую среду и пятницу, как по часам. Встаете тут в засаде и первую понравившуюся затаскиваете в машину. Мы за вами уже месяц наблюдаем. Много видеоматериала собрали. Вот неделю назад вы такую кралю словили, я сам не думал, что такие в школе бывают. Четвертый размер груди. Показать? Там неплохие ракурсы получились. Браззерс может обзавидоваться. Или без видео вспомните?

– Вы не знаете, с кем связались, – процедил клиент.

– Почему не знаем? Знаем, товарищ депутат. Знаем. Но это неважно. Какое бы место вы не занимали, и какой бы губернатор за вас не вписался, десять доказанных случаев педофилии... Любой губернатор полетит вверх тормашками. А ведь это только у нас видеоматериала на десять. А сколько их на самом деле? И сколько вылезет, когда все это опубликуют? Кстати, тут не только совращение малолетних. Тут еще и вовлечение в проституцию. Вы же им деньги платите. Огромные. Куда они потом с таким-то опытом получения легких денег за раздвинутые ноги? Только на панель.

– Что вы хотите?

Банзай развел руками.

– А вот это уже предметный разговор, – он протянул руку и погладил девушку по волосам. – Валенсия, солнышко. Ступай с товарищем Приколом в нашу машинку. А мы тут с дядей побеседуем. Только трусы надень.

Валенсия плюхнулась на сидение, натянула трусы с шортами, мотая в воздухе ногами. Спрыгнула наружу, показав клиенту язычок и вильнув напоследок задницей.

– Вот чертовка, – Банзай расплылся в улыбке.

– Валенсия? – хмыкнул клиент. – Что за дурацкое имя?

– Родители-покойники любили в Испании отдыхать, – вздохнул Банзай. – Она у нас круглая сирота. Но не будем о грустном. Будем о веселом. К делу?

– Прикол, а, Прикол! Ты всегда такой молчун?

Валенсия лежит на заднем диване, закинув голые ноги на спинку переднего сидения.

– В школе, когда к доске вызывали, ты тоже молчал?

Прикол сидит на водительском кресле и смотрит прямо перед собой. Эта стерва его уже достала. Болтает без умолку вместо того, чтобы готовиться к следующему клиенту.

– Прикол, а трахнуть меня хочешь? Этот педо-депутат начал, но не закончил. Хуже нет возбужденной, но не выебанной бабы. Я же вас прирезать могу. А?

Прикол хочет, но боится. Страх ему внушает даже не Банзай, который строго следует правилам, а правила гласят «Никакого секса внутри клана». В конце концов, это самое нарушаемое правило. Половина девок расслабляется после смены, вылизывая друг дружке или подставляя зад охранникам.

Прикол боится самой Валенсии. У него перед глазами пример Мальшца, которому перепало однажды по пьяни, и теперь он бегаёт за ней на цирлах, преданно заглядывает в глаза, выполняет любые капризы и готов залезть в огонь или прыгнуть с небоскреба, лишь бы присунуть ей еще раз. Хотя, конечно, интересно, что там в ее дырках такого особенного, что все клиенты с ума сходят. Даже те, кто до дырок, собственно, и не добрались. Как сегодняшний.

Валенсия вскакивает с места и нависает над его головой.

– Ну, – шепчет она. – Давай решайся, пока Банзай не пришел.

Ее язычок скользит по его уху. Прикол дергается, словно от удара током.

Она плюхается обратно на диван.

– Нудный ты, Прикол.

Некоторое время они молча пялятся в окно, представляя каждый свое. Прикол

представляет, как лезет назад, срывает с нее трусы, подминает ее под себя и начинает драть, не обращая внимание на вопли со слезами. Валенсия представляет большой торговый центр, набитый шмотками и туфлями. А также маленькую сумочку, где лежит карточка с парой миллионов на карманные расходы.

Дверь минивэна со скрипом отъезжает. Внутрь, кряхтя, забирается Банзай. Кладет рядом серебристый кейс и обводит всех торжествующим взглядом.

– Ну что, мальчики и девочки. Могу нас поздравить. Улов прекрасный.

Он открывает кейс. Пачки тысячных и пятисоток уложены плотными рядами.

– Здесь миллиона полтора, – говорит Банзай. – Наш депутат ловил школьниц по-крупному.

– Прико-ол! – восхищается Прикол.

– Вот урод, – щурится Валенсия. – Мне двести кусков предлагал, а у самого полтора ляма валялось. Я так дешево стою?

– Дорогая, ты стоишь гораздо дороже любых лямов. – Он перекинул ей четыре зеленые пачки. – Твоя доля на сегодня.

– Надеюсь, ты выписал ему ежемесячный платеж за молчание?

– Увы, нет. Решил этого не делать. Если мы его будем доить, рано или поздно он сорвется и побежит жаловаться приятелю в ФСБ. А из-за разовой акции рисковать не станет.

– Все равно надо за ним следить. Наверняка продолжит. Такие не останавливаются.

– Это само собой. Но теперь он будет осторожнее. В машине пользоваться перестанет. Снимет какую-нибудь халупу. – Банзай поскреб седоватую щетину. – Валенсия, детка. Прикрой ляжечки. Они меня возбуждают, а когда я возбужден, я нервничаю.

– Да, босс, – она накинула на ноги покрывало.

– У тебя сегодня еще один клиент.

– Ага. Школьный учитель. Но с него много не возьмешь.

– Нет. Я взял на себя смелость поменять тебе клиента. Резет по моей просьбе залез глубже учителю в соцсети и обнаружил, что он предпочитает рыжих худышек с маленькой грудью. Так что к учителю пойдет Настенька. А у тебя сегодня будет, – он достал из сумки планшет и показал ей, – вот этот гусь.

С экрана на нее смотрел седовласый джентльмен лет шестидесяти в смокинге, галстук бабочкой и в очках с золотой оправой.

– Не, босс, – замотала она головой. – Ты же знаешь. Меня от стариканов блевать тянет.

– Придется сделать над собой усилие, дорогая. Этот старикан заказал именно тебя.

– То есть как?

– Прислал твои фотографии.

Банзай перелистнул страницу.

Сперва Валенсия даже не узнала себя. Потом вспомнила, как пару месяцев назад они с девками зарулили в стрип-клуб, где после десятого коктейля она сбросила с себя все тряпки и залезла на шест, показывать местным коровам мастер-класс. Толпа мужиков была в восторге. Потом ее кто-то драл в туалете, но там она уже ничего не помнит.

Банзай снова перелистнул страницу, и Валенсия даже покраснела.

Ага, вот и туалет. Она стоит раком, опустив голову чуть ли не в унитаза. Мужик в кадр не влез. Видны только волосатые руки, вцепившиеся в ее пухлую задницу.

– Интересно, как они это сняли? – пробормотала она.

– А мне интересно, почему я об этом случае не знаю?

– Да я сама сразу забыла. Столько выпили...

– Валенсия, солнышко. Если ты и дальше будешь себя вести столь безответственно в таких зланных заведениях, то рано или поздно наткнешься на людей, которым будет мало выебать тебя в туалете. И тогда мы тебя просто не найдем. Или найдем, но по частям.

– Да, босс, – опускает она голову.

– Короче, эти фотографии как-то попали в руки нашему гусю. И он готов заплатить за ночь с тобой вот эту сумму.

Банзай снова перелистывает страницу и показывает написанные от руки цифры с пятью нулями.

– Так мало?! – возмущается Валенсия. – За целую ночь?!

– Это сумма в евро.

Она производит в уме нехитрый подсчет, и глаза лезут на лоб.

– Поэтому никаких подстав, грабежей и вымогательств. Отрабатываешь честно, всю ночь, с огоньком и лаской. Подставляешь все, что ему захочется. Будет тошнить – сглатываешь вместе со всеми его выделениями.

– Фу, босс!

– Скорее всего, он иностранец. Сообщения писал с помощью гуглопереводчика. У тебя как с английским?

– Так себе. Но слова «фак», «асс», «сакс», «догги стайл» помню.

– Скорее всего их хватит. Если нет, с тобой поедет Носорог. Он знает другие слова.

Она хмыкнула, представив широкую морду Носорога с неоднократно перебитым носом. Разговаривать Носорог не любил, а свои мысли предпочитал доносить с помощью пудовых кулаков.

– Сейчас возвращаемся на базу, – говорит Банзай. – Отдыхаешь, подмываешься. Клизму сделай, вдруг ему «асс» понадобится.

– Босс, не учите мать ебаться. Лучше верните его фоточку.

Банзай перелистывает.

– Любуйся.

Валенсия склоняет на бок голову, рассматривая старикана.

– А он ничего. Даже симпатишный.

– Любой будет симпатишным, если платит сто тысяч евро за аренду пары дырок.

Щедрый дедушка ждал ее к девяти вечера в президентском люксе отеля «Мариотт».

Сперва Валенсия хотела одеть что-нибудь стильное и невзрачное, по примеру дорогих европейских проституток, которые стеснялись афишировать свою профессию. Платье в цветочек до пола. Или брючный костюм. Но в конце концов решила не заморачиваться.

Каблуки, чулки, маленькое черное платьице, едва прикрывающее лобок. Ярко-красная помада, делающая пухлогубый рот еще больше. Черные очки в пол-лица. Ходячая реклама провинциальной элитной проституции.

Цокая каблуками, целеустремленно прошагала через сверкающее фойе, мимо ресепшена, мимо группок постояльцев и туристов, чувствуя, как ползают по ее телу мужские взгляды.

Носорог взмахнул перед охранниками удостоверением, и она прошла к лифтам даже не

останавливаясь.

Хромированный лифт вознес их на последний этаж.

В холле было пусто.

– Если что будет не так, – просипел Носорог, – ори.

И замер в любимой позе всех футболистов и охранников.

Валенсия протопала по толстеному ковру и постучала в единственную дверь.

– Входите, – послышался изнутри глубокий баритон.

Она потянула за ручку, проскользнула внутрь и замерла, разглядывая президентский люкс. Она бывала в разных люксах, но в президентском еще ни разу.

Вычурная мебель в дворцовом стиле, лестница из черного дерева на второй этаж.

Огромные окна, за которыми сверкает огнями ночной город.

Дедушка, вытянувшись, стоял у камина. На нем был дорогой костюм, тот же галстук бабочкой и те же очки в золотой оправе.

– Мадемуазель Валенсия, полагаю?

По-русски он говорил с легким акцентом. Видимо, был из эмигрантов.

– Угадали, – показала она все зубы. – А вы?..

– Можете называть меня Мишель. Проходите, садитесь.

Он указал на низкий диван у окна.

Она процокала каблуками через всю гостиную и неловко опустилась на диван, так что колени оказались на уровне ушей. Эти диваны специально делали так, чтобы девушкам приходилось задирать ноги.

– Можете снять туфли, если так будет удобнее.

Дедушка Мишель подошел к столику с бутылками и бокалами.

– Выпьете что-нибудь?

– Ага. На ваш вкус.

Он налил в фужер чего-то красного.

– Попробуйте. Великолепное бордо урожая 2013.

Она попробовала и восхищенно закивала. В урожаях она разбиралась меньше, чем свинья в апельсинах.

Себе дедушка наливать не стал

Сел на диван напротив и сцепил руки в замок.

– Давайте сперва расставим все точки над «и», – он достал две пачки пятисотенных евро и бросил их на столик между диванами.

– Ваш обещанный гонорар.

– Обычно платят после, – сказала она, пряча деньги в сумочку.

– Это плата за то, что вы сюда пришли. Я не собираюсь пользоваться... э-э... вашими услугами.

Валенсия напряглась. Обычно с таких слов и начинались всякие проблемы и извращения.

– Я здесь по поручению моего хозяина и должен предложить вам работу.

Она промолчала, ожидая продолжения.

– Работа заключается в том, что вы год будете жить в пентхаусе, на сотом этаже небоскреба, расположенного в одном из главных городов мира. И раз в неделю ходить на уроки.

Она чуть не захлебнулась вином.

– Простите... Это шутка?

– Нет, мадемуазель. Это серьезное предложение. По окончании контракта ваш гонорар составит пять миллионов евро. Плюс вы каждый месяц будете получать деньги на расходы. Сумма обговаривается.

– А в чем подвох?

– Никакого подвоха, уверяю.

– Не может быть. Здесь должен быть подвох. Меня в этом вашем небоскребе будут трахать? Хозяин с дружками?

– Возможно будут. Но только с вашего согласия. И вряд ли хозяин.

– Кто он, этот ваш хозяин?

– Увы. Есть три вопроса, на которые я не имею права отвечать. «Кто хозяин?» – один из них. Второй запретный вопрос – «какие уроки?» И «почему выбрали именно вас?» – третий. Обо всем этом вы узнаете, когда прибудете на место.

– Похоже на кота в мешке.

– Хорошо оплаченного кота. Могу еще добавить, что мы решим все ваши местные проблемы и договоримся с вашим сутенером, чтобы он не мешал вашей новой работе.

– У меня нет сутенера! – вспыхнула она.

– Как скажете. Тогда мы договоримся с вашим другом, который обеспечивает вам клиентов.

В голове всплыл Банзай. «Рано или поздно ты наткнешься на людей, которым будет мало выебать тебя в туалете.» Видимо, вот они, эти люди. Что им может понадобиться кроме нежного комиссарского тела? Продадут в рабство? Разберут на органы? Слишком заморочено для таких простых действий. Скорее всего, тут замешан богатей, у которого от бесконечного бабла и безнаказанности потекла крыша. И теперь он выдумывает себе развлечения. И что он выдумает в следующий раз, даже он не знает. Выпустит в лес и устроит охоту? Зажарит на вертеле и угостит друзей?

– Извините, Мишель. Но я вынуждена отказаться. Не люблю играть втемную.

Старик помолчал, сжимая и разжимая пальцы.

– Вы хорошо подумали? Такие предложения бывают раз в жизни. Через год вы получите сумму, которая позволит вам бросить свою нынешнюю... работу.

– Я понимаю. Но моя работа как раз и научила меня не вестись на заманчивые предложения, если в них много неизвестных.

– Ну что ж. Жаль. – Старик встал. – К сожалению, у меня нет времени на уговоры.

Валенсия попыталась подняться, но поняла, что ноги ее не слушаются.

– Что... – начала она, чувствуя, как паралич поднимается все выше, от коленей к бедрам, от бедер к животу, переходит на грудь, руки, шею.

Старик обошел столик и взял из ее руки фужер с вином.

– Давайте уберем. А то разобьется.

– Вы меня...

Язык онемел.

– Носорог... – прошептала она.

– Ваш друг тоже отдыхает. Увы, мадемуазель. У меня четкое указание без вас не возвращаться. Поэтому в сущности вашего согласия и не требовалось. Наш разговор – лишь дань вежливости.

Двери люкса открылись. Вошли четверо в серых спецовках службы доставки. У одного

из них в руке был внушительных размеров дорожный чемодан.

– Можете упаковывать, – сказал старик и отошел в сторону.

Валенсия дернулась из последних сил.

– Не сопротивляйтесь, – сказал старик. – Иначе придется вводить химию. А это вредно для здоровья.

Четверо рабочих взяли ее за руки и за ноги, положили в чемодан, развернули боком и умело свернули в клубочек. Видно, не первый раз упаковывали девушек в большие чемоданы.

Застегнули крышку, навесили замки, поставили на колеса и покатали к дверям, в фойе, мимо лежащего без сознания Носорога, в лифт, вниз, мимо туристов, ресепшена, к открытому фургону с логотипом международной экспресс-службы.

Оставшись один, дедушка Мишель вздохнул, налил себе бурбона, достал телефон и набрал номер.

– Это я. Объект упакован и вывезен. Через полчаса будет в самолете. Вылет через час.

На другом конце помолчали.

– Твое мнение, – послышался глухой голос.

– Трудно пока сказать. По внешности вроде бы стопроцентное попадание. Единственное, бедра жирноваты. Зад. Видно, любит торты на ночь уминать. Насчет психики ничего не скажу. Потом будет ясно.

– Про нее точно никто не вспомнит?

– Точно. Ну, кроме сутенера и шлюшек-подружек. Но это такой контингент... Быстро все забывает. Мы с ними разберемся.

– Не задерживайся.

Собеседник положил трубку.

Дедушка Мишель залпом допил бурбон, подхватил стоящий у двери кейс и вышел в фойе.

Глава 2. Город без названия

В крошечной тьме горел огонь, за огнем сидела на бревне бабка и что-то как всегда напевала. На ее голову был накинут цветастый платок, в руках мелькали спицы, а от спиц тянулось по земле что-то странное, напоминающее огромную мохнатую гусеницу.

Валенсия села на пенек рядом с костром. Ветка под ногой хрустнула. Бабка подняла голову.

– А, прискакала, курица. Как все путем, так ты не дождесси. А как клюнет кто в толстую жопу, тут же бежишь сюды жалиться.

– Да не бегу я сюды, баушка. Меня сюды выкидывает, когда я сознание теряю, а потом обратно закидывает.

Бабка отмахнулась.

– Неважно. Допрыгалась ты. Теперь из тебя точно заливное сделают. Я сама хотела из тебя заливное сделать, но уж больно ты жирна, девка. А мне диета полагается.

– Ты говорила, – вздохнула Валенсия. – Сотню раз.

Бабка косплеила из себя то ли Бабу-Ягу, то ли немецкую лесную ведьму.

– Ну, говори с чем пожаловала.

– Меня похитили, засунули в чемодан и куда-то везут. Скорее всего за границу.

– Ну, раз за границу, значит не заливное, а барбекю. Или форшмак.

– Форшмак из селедки.

– Вот и я говорю, форшмак.

– Делать-то что, баушка?

– А што тут сделаешь? Если кто на твои жиры позарится не в кулинарном смысле, то считай повезло. «Тропу наслаждения» к нему применишь и «взрывным финалом» заполируешь. Вот тебе и служивая собачка. Будет бегать за тобой, высунув язык, и ждать приказов. Главное, делай вид, что пассивная и покорная. Если поймет, что это ты ведешь, все будет насмарку.

«Тропу» с «финалом» Валенсия уже пробовала. На Малыше. И была не слишком довольна результатом. Гигантский слюнявый малыш теперь таскался за ней всякий раз, когда видел, и ждал не приказов, а повторения.

– А другой способ есть? Мне бы просто сбежать и чтоб не догнали.

– Другой... – проворчала бабка. – Способов, мила моя, тыщи. Знай, сочетай цепочки. Некоторые способы из десятков частей состоят и делаются неделями. Но они должны подходить к ситуации, как ключ к замку, как хер к манде. А ты своей ситуации не знаешь. Сидишь в чемодане и паникуешь раньше времени. Зачем тебя скрали? Что делать собираются? Оглядишься, узнаешь, чего от тебя хотят. Тогда и способы составляй.

– Толку от тебя, бабка... – расстроилась Валенсия. – Если я ждать буду, меня и впрямь на барбекю пустят. И хватит называть меня жирной! Жирная – это когда пузо и талии нет. А у меня талия – пятьдесят восемь сантиметров!

– Ишь ты. Зато жопа все двести, – парировала старая карга. – Не хочешь учиться – вали отседова!

Она дунула на костер.

Пламя взметнулось ввысь и тут же исчезло.

Все погрузилось в темноту, и в этой темноте вдруг вспыхнул и ударил по глазам...

... яркий свет.

Рядом колыхались и бормотали неясные тени.

– Зря ты это делаешь, – бубнил кто-то. – Сказано же было, на место доставить в запакованном виде.

– Так и будет, – прошептал другой. – Я ее обратно в чемодан засуну.

– Все равно узнают.

– Хватит нудеть. Я тебе мало заплатил? Еще добавить?

– Да не в этом дело...

– Ну раз не в этом, выйди и стой на стреме. Мне полчаса хватит. Кто пойдет, скажешь дезинфекция.

– Черт. У нее глаза дернулись. Кажется, просыпается. Добавить раствора?

– Нет. Это даже к лучшему. Давай. Исчезни.

Одна из теней пропала. Щелкнула дверь.

Валенсия завозилась, протирая глаза и пытаясь сообразить, что происходит. Какой-то низкочастотный гул стоял в ушах и мешал думать.

Когда зрение пришло в норму, она увидела, что сидит в широком кожаном кресле, рядом – закрытый шторкой иллюминатор.

Напротив, в таком же кресле сидел лысый чернобородый мужик в спецовке и, улыбаясь, смотрел на нее.

– Привет, – сказал он низким хриплым голосом. – Давно не виделись.

– Где я? – пробормотала она.

– В самолете. Бизнес-джет босса. Это – вип-салон. Красиво, правда?

– Угу, – промычала она, оглядывая широкий диван в углу и еще пару кресел с низким столиком. – И куда мы летим?

– Извини, дорогая, этого я сказать не могу. Ты по мне скучала?

Валенсия взглядела в загорелое горбоносое лицо с густой черной бородой и светло-серыми глазами.

– Как я могла по тебе скучать, если первый раз вижу?

Улыбка медленно сползла с бородатого.

– Ты меня не помнишь?

– А должна?

– Я думал, такое не забывается.

Ее взгляд упал на его поросшие обильным волосом руки, и тогда она вспомнила.

Видела эти руки совсем недавно на фотографии. Точнее, на своей голой заднице.

– А, – она откинулась на спинку. – Стрип-клуб. И туалет. Извини, я тогда так упила, что ничего не помню.

– А вот я никак забыть не могу. Лучший секс в моей жизни. Ты была бесподобна.

– Рада за тебя.

– У меня эта картина постоянно перед глазами стоит. Просыпаюсь – стоит. Засыпаю – стоит. Работать не могу.

– Ну если всегда стоит – это к врачу, – попробовала пошутить она. – Приапизм

называется.

– Ты мой врач, – он вскочил с кресла и схватил ее за руку. – Пойдем.

– Куда?!

– На диван. На кресле неудобно. Слишком мягкое.

Он рывком поднял ее на ноги.

– Э, погоди, горячий парень. Не так быстро.

– У нас мало времени.

– Если ты меня ебать собрался, то у меня для тебя плохая новость. Я не хочу.

Он на секунду опешил.

Потом слишком шустро для своей комплекции схватил ее за волосы, намотал на кулак и заставил нагнуться,

– Хочешь или не хочешь – неважно. Я этого два месяца ждал.

– Орать буду, – гнусаво предупредила она.

– Ори сколько хочешь. Тут такая шумоизоляция, что даже стоя у двери ничего не услышат. Специально сделали для визгливых непослушных девок. Думаешь, ты здесь первая? Да хозяин на этом диване таких красавиц драл! Прошлогодня Мисс мира сперва тоже кочевряжилась, визжала, вопила, потом сама жопу подставила, когда ей рожу пообещали подправить. А после еще нас всех по кругу обслужила. Хозяин ее так наказал за непослушание.

– Гляжу, ваш хозяин знает толк в уговорах.

– Еще бы. Скажи спасибо, что его здесь нет. Он бы твои щели быстро работой обеспечил. Только у него на тебя другие планы. И это хорошо. Мне больше достанется.

Бородач усмехнулся и запустил пятерню ей между ляжек.

– Стой, стой, стой! Давай договоримся. Тебя как зовут?

Он недоуменно нахмурился.

– Мотя... То есть Мэттью.

– Так вот, Мотя-Мэттью. Если ты меня изнасилуешь, я тебя уверяю, это будет жалкое подобие того, что ты испытал тогда в туалете. Ты будешь сильно разочарован.

– Это еще почему?

– Неважно. Просто поверь. Сухо, больно и все такое. Но. Я могу дать тебе добровольно. И ты получишь такое удовольствие, которое вообще никогда не испытывал. Обещаю. При одном условии. Если ты прямо сейчас расскажешь о своем хозяине и его планах насчет меня.

Мотя на пару секунд завис в ступоре, потом расплылся в хитрой ухмылке.

– Э, цену себе набиваешь. Не катит. У хозяина болтают только покойники. Рот раскрыл – уже покойник. Запомни, девочка, пригодится. А тебя я лучше без всяких условий выебу.

Он дотащил ее до дивана и уткнул носом в угол, заставив встать раком и широко раздвинуть ноги.

– Все как тогда, детка, – шептал Мотя, роняя слюни. Задрал ей до шеи короткое черное платье, порвал стринги и вцепился в ягодицы. – О, да...Балдею от твоей жопы. Ты ведь мне должна. Это я показал боссу твои фотки. Если бы не я – тебя бы здесь не было.

– А, так вот кого благодарить надо.

– Именно. Вот сейчас и отблагодаришь.

Валенсия почувствовала, как что-то упругое раздвигает ей половые губы.

Этому приему ее тоже научила бабка. «Когда мужик уже рядом, он кроме твоей щели вообще ничего не замечает. А если ты еще и на четырех костях стоишь, он просто уверен, что

все контролирует. Вот и докажи, что это не так.»

Она внезапно рухнула на диван, выпрямив руки и ноги, развернулась на спину и с силой впечатала колено прямо в волосатые яйца.

Мотя взвыл, сползая на пол.

– Сука... За что?

Она слезла с дивана, поправляя платье.

– Даже не знаю. Может, за фотки? Или за чемодан? Думаешь, приятно, когда тебя в чемодан запикивают?

– Что здесь происходит? – раздался вдруг громкий надменный голос.

У открытых дверей стоял высокий худой человек во всем черном, в сопровождении двух охранников. У человека было твердое, будто вырубленное из камня лицо.

– Почему объект в сознании?

Из-за его спины показался рыхлый толстяк в спецовке. Видимо, тот второй, кто был с Мотей.

– Так это... дезинфекция.

Худой скривился.

– Уборщики, вы в своем уме? Какая дезинфекция во время полета? Так. Этих двоих закрыть до выяснения. Объект запаковать обратно.

Мотя поднял скривившуюся физиономию.

– Все равно до тебя доберусь, – прошипел он Валенсии. – Драть буду пока не сдохнешь.

Подскочивший охранник взял его за шкурку и потащил к выходу.

Второй подошел к Валенсии и поднял руку.

Что-то холодное кольнуло в шею.

– Эй! Я требую объяснений! – вскричала она, но в следующий момент все расплылось перед глазами и покрылось темной мутью.

В следующий раз она очнулась от того, что за окном пели птички, а сквозь занавески пробивалось ласковое солнышко.

– Еще немножко, мамочка, – пробормотала она и сладко потянулась, уверенная, что вокруг дача, снаружи сад, ей семь лет, а мамочка готовит блинчики. И тут же вскинулась, вспомнив, что мамочки давно нет, а ее саму увезли в чемодане неизвестно куда.

Она одна лежала на гигантской пятиметровой кровати, которую можно было назвать заточенным под групповуху траходромом. Из одежды на ней были только трусы, скорее похожие на две украшенные стразами ниточки.

– Ну, конечно, – пробормотала она, оглядывая себя в поисках следов от ночной оргии. – Могли бы и не заморачиваться. А то чемоданы, бизнес-джеты...

Следов не было. То ли ее подмыли, после того как попользовали. То ли не было ничего.

Она слезла с кровати, вертя головой во все стороны.

Ни в одном отельном люксе она не встречала такой комнаты.

В комнате было метров двести. На дальней стене чернел десятиметровый экран. Диваны и кресла перед ним были нормальных размеров и казались игрушечными. Также в комнате присутствовали письменный стол с компьютерным монитором, стеллажи с цветастыми справочниками, кухонный гарнитур, напичканный техникой, гардероб с

тряпками. Основное пространство было пустым, и тут можно было играть в футбол.

Одна из стен была полностью стеклянной, там синело небо и сияло солнце. Часть стекла была сдвинута и виднелся балконный парапет из хромированной стали.

Рядом с кроватью стоял стул с развешанной на спинке одеждой.

Сперва Валенсия подумала, что это ее одежда, но приглядевшись только хмыкнула.

Это была скорее не одежда, а костюм школьницы из секс-шопа. Клетчатая юбка, прикрывающая половину попы, белая обтягивающая блузка, гольфики и узкий галстук, которым было удобно стягивать в момент оргазма девичью шейку.

Видно, хозяин любил самые банальные ролевые игры.

Это даже радовало. Было бы гораздо хуже, если б на стуле висели наручники, цепи и черная ременная сбруя.

Валенсия двинулась было к гардеробу, но там было столько тряпок, что пришлось бы потратить полдня на то, чтобы разобраться.

Балкон был важнее.

Когда она перешагнула порог, налетел теплый ветер, и у нее перехватило дыхание.

Дедушка Мишель не обманул.

Это действительно был сотый этаж.

Плотная дымка лежала внизу, словно закрывающий землю облачный слой. Бесчисленные небоскребы выросли из нее, словно гигантские скалы. Почти все они были ниже, и можно было рассмотреть крыши с вертолетными площадками, бассейнами и даже теннисными кортами. Только вдалеке сквозь утренний туман пробивались три совершенно монструозных здания, похожих на пузатые ракеты. Они нависали над остальными небоскребами, как пастухи над овцами.

Валенсия шагнула к стеклянному парапету и схватилась за хромированный поручень.

Невдалеке со стрекотом пролетел маленький вертолет.

– Шит... – выругалась она от избытка чувств. – Итс бьютифул... Факин шит...

И осеклась, раскрыв рот от изумления.

Дело было не в том, что она ругалась по-английски.

Дело было в том, что она на английском думала.

Голова закружилась от нереальности происходящего. Валенсия оглянулась в поисках чего-нибудь, на что можно было бы присесть.

Балкон тянулся вдоль всего здания и был разбит низкими стеклянными перегородками.

За соседней перегородкой стояла невысокая девчушка и откровенно елозила по Валенсии взглядом.

– Неплохая фигура, – сказала она по-английски. – Диета бы не помешала, но в целом... секси... Натуралка? Лесба?

– Натуралка, – ответила Валенсия. – Но если хорошо заплатишь могу отлизать. И страпоном потыкать.

– Потом бесплатно потыкаешь, – отмахнулась мелкая. – С прислугой трахаться запрещено. А парней теперь среди нас нет. Приходится искать альтернативные способы.

Она была одета в тот же школьный костюм. Только юбка была не в красную клетку, а в синюю.

– Ты, наверное, про язык хочешь спросить? Это у всех первый вопрос.

– Угадала.

Девчушка повернула голову и убрала с шеи рыжие волосы.

– Видишь за ухом отметину? Это лингвоцип. Меняет языковые настройки в мозгах.

Удобная штука.

– Не люблю, когда без спроса вторгаются в мое тело.

– О, тогда привыкай. Здесь это происходит довольно часто.

– Трахают?

– И это тоже, – уклончиво ответила девчушка. Она прищурилась. – Судя по скулам, Восточная Европа?

– А тебе не наплевать?

– Честно? Здесь всем на это наплевать. Давай, задавай второй вопрос.

– Какой?

– Что это за город, разумеется. Неужто не интересно?

– Я про это даже и не думала.

– Короче, сперва решили, что это Нью-Йорк. Но там небоскребы старые. А тут все новые, только построенные. Потом думали про Гонконг, но там горы, а тут нет гор. Девки часами сидели сравнивали фотки из интернета. И знаешь, что?

– Что?

– Такого города в интернете нет. То есть вообще! Прикинь? Город без названия.

– Да ну. Фигня. Просто плохо искали.

– Может и плохо, – обиделась девчушка. – Но сейчас ты появилась. Вмиг все найдешь.

Вдалеке прогудел длинный сигнал.

– А это еще что?

– Первый звонок. Скоро нас с тобой знакомить будут. Когда услышишь третий звонок, ты должна сидеть на диване перед экраном. Поняла? И форму одень!

– Это не форма. Это реквизит для ебли.

– Хозяину нравится. Его лучше не злить.

– Я уже поняла.

Раздался второй звонок.

– Ну все. Заболталась я с тобой. Позднее продолжим.

Девчушка быстро засемила к открытой двери и скрылась в своей комнате.

Валенсия вбежала к себе, схватила форму и рванула к экрану, на ходу застегивая блузку.

Плюхнулась на диван, задрала ноги, чтобы быстрее напялить юбку.

Третий звонок.

Экран осветился.

Почти все его пространство занимал массивный мужской силуэт. Лицо было в тени.

Валенсия застыла, как была, с юбкой на щиколотках и задранными ногами.

Внизу экрана одно за другим возникли окошечки с девчонками в разноцветных клетчатых юбках. Некоторые из них, завидев позу Валенсии, захихикали.

Силуэт пошевелился.

– Мисс Валенсия, – раздался глубокий резонирующий голос, от которого по спине побежали мурашки. – На первый раз я вас прощаю. Но если вы снова позволите себе такое непотребство, то пожалеете, что родились на свет.

Хихиканье смолкло.

– Извините, – буркнула Валенсия, натянула юбку и опустила ноги. – Больше не повторится.

– Надеюсь. – Силуэт раскрыл лежащую перед ним на столе папку. – Итак, дамы. Со

своей новой подружкой вы познакомитесь позднее. Как вы, наверное, уже поняли, человек она не закомплексованный и даже раскованный. Вам будет интересно. А мы начнем сегодняшнее занятие. Новая тема. Как убить конкурента и забрать его бизнес, не вызвав подозрений.

Глава 3. Виртуальность

Это был самый странный урок в ее жизни.

Черный силуэт на экране серьезным профессорским тоном рассказывал, как выбирать компанию-жертву, как сужать вокруг нее круги, отсекая выгодных контрагентов, как вызывать проверяющие органы, арестовывать счета, уменьшать рыночную стоимость. Как натравливать на семью владельца банды отмороzków. Когда нужно насиловать дочек, а когда предпочтительнее украсть и утопить жену. При какой цене за акцию направлять на предприятие группу захвата. И как прикрывать эту группу юридически.

Это были абсолютно не ее темы, но лектор читал так, что каждое слово будто выжигалось в мозгах навсегда. Примерно через час она уже была готова приступить к рейдерскому захвату чего-нибудь маленького. Киоска. Или курятника.

Другие девчонки слушали бандитскую лекцию, раскрыв рот.

Их было всего пятеро, камеры их снимали целиком, так что были видны разноцветные клетчатые юбочки и голые ноги под ними. Видимо, это доставляло лектору эстетическое удовольствие. Посмотреть было на что. Даже мелкая, что была на балконе, могла похвастаться хорошей фигурой. Кроме нее были две модельного вида блондинки, одна с бледной кожей и желтыми волосами, другая загорелая с белыми. Спортивного вида африканка с длинной кудрявой шевелюрой. И классическая латиноамериканка с большой крепкой задницей, гибкой талией и аккуратными сиськами.

Когда в перерыве Валенсия с квадратными глазами выбралась на балкон, латиноамериканка сидела за перегородкой рядом с мелкой и потягивала коктейль.

Латиноамериканку звали Селена.

Мелкую звали Льен.

– Так, – Валенсия устала кулаки в бедра. – Может вы мне объясните, куда это я попала и что за хрень только что была? Это что, школа начинающих гангстеров?

Селена отсалютовала ей бокалом.

– Нет, новая соседка. Это годовой спецкурс бизнес-магии. А рейдерство – просто один из ее способов.

– Учебная дисциплина, которую ведет этот мужик без лица, – добавила Льен.

– Так это не наш хозяин?

– Упаси, боже. Мне говорили, это какой-то известный мафиозо, который собаку съел на захвате предприятий. Морду светить не любит, поэтому всегда в тени.

– А мне кажется, это вообще не человек, – сказала Селена. – А программа компьютерная. Искусственный интеллект. Мы же его ни разу в глаза не видели.

– Так значит меня засунули в чемодан и привезли хрен знает куда, чтобы отдать в гребанную бизнес-школу.

– О, – воскликнула Селена. – В чемодан засунули! Тебе повезло. Меня засунули в ящик из-под героина. И отправили нарко-тропами. Я две недели в грузовике тряслась.

– И это не гребанная бизнес-школа, сказал Льен. – Это элитный спецкурс для миллиардеров.

– Не знаю, как вы, а я никакого отношения к миллиардерам не имею.

– Мы тоже не имели. А теперь вот...

– Раз ты здесь, значит теперь имеешь.

– И зачем нас всей этой фигне обучают?

Селена и Льен переглянулись.

– Расскажи ей официальную версию, – сказала Селена.

Льен вздохнула.

– Наш хозяин... Кстати никто не знает, как его зовут. Как и в случае с городом... Так вот, наш хозяин умирает. Врачи дают ему примерно год. В таких случаях встает вопрос, кому передать бизнес.

– Наследников у него как грязи, – вставляет Селена. – Он до сих пор трахает все, что шевелится. Так что детей у него десятка два точно наберется.

– Но есть нюанс. В своей работе он руководствуется только советами Оракула. Это его главный бизнес-колдун. И этот колдун нагадал ему, что ни один его спиногрыз на роль наследника империи не подходит. Всё будет разрушено. А подходят абсолютно левые люди, которые должны пройти курс обучения.

– Причем, Оракул дал полные характеристики этих людей, вплоть до часа и района рождения, роста, веса, объема мозга и длины ног, – сказала Селена. – Меня выбрали из трех претенденток только измерив ширину задницы. Мои сто десять сантиметров совпали с предсказанными.

Валенсия почесала бровь.

– Похоже на бред.

– Бред и есть. Но хозяин верит.

– Вообще, это согласуется с основными принципами бизнес-магии, – не согласилась Льен. – Мелочей не бывает. Даже ширина задницы может повлиять на какую-нибудь цену акций.

– Ага, если продавец акций в ненужный момент завис у жопы своей новой секретарши. Короче, мы шестеро – претенденты на большой жирный кусок.

– То есть мы должны будем поделить...

– Ты не поняла. Ничего мы не должны будем поделить, – сказала Льен. – Во-первых нас было гораздо больше. Постоянно кто-то отсеивается, кто-то появляется. Пару месяцев назад тут такая толпа бегала...

– Мы претенденты. Лошади-участницы забега. Вся империя хозяина оценивается примерно в сто миллиардов. И это наследство получит только один из нас. Или тот, кто среди нас еще не появился. Лучший ученик. Остальные получают свои обещанные пять лимонов евро и уйдут на пенсию. Это официальная версия.

– А есть неофициальная? – спросила Валенсия.

– Она такая же, но с одним отличием, – сказала Льен. – Проигравшие ничего не получают. Их всех убьют. Выживет только лучший. Он получит всё.

– Бред короче, – отмахивается Селена. – Страшилка для младшекласников.

– Бред или не бред, но ведь никто не знает, куда делись те, кто отсеялся. А это пара десятков человек.

– То, что они молчат в сетях и не отвечают на звонки, не значит, что их всех закопали.

– Погодите, девки, – перебила их Валенсия. – Если то, что вы рассказали, правда, значит мы с вами конкурентки...

Селена глянула на нее с плохо скрываемым презрением.

– Ну вот. Еще одна Барби на нашу голову. Вас, блондинок, на одной фабрике штампуют?

– Что за Барби?

– Барбара, американка, – говорит Льен. – Курица гриль с белыми волосами. Считает нас всех помехой и не прочь избавиться заранее.

– Я не в том смысле конкурентки, что...

Издаലെка настырно гудит первый звонок.

– Ладно, соседка, – говорит Селена. – Потом доскажешь, что ты там имела в виду. А сейчас мадам из МВФ вывалит на наши головы кучу бизнес-заклинаний. Опаздывать нельзя.

Вторая лекция была похожа на первую.

Суровая афроамериканка с короткими седыми волосами вбивала им в головы заклинание за заклинанием, и все они вгрызались в память, словно были вырезаны лазерным резцом. Заклинание на поиск поставщиков, заклинание на поиск покупателей, заклинание на защиту производства, заклинание на лояльность персонала. Все они были сложно составными и менялись в зависимости от задач. Но в первую очередь казались абракадаброй. То ли это был какой-то совсем незнакомый язык. То ли просто выдуманные от балды слова.

«Бр Еберу Убану Абкалу Абубу»

Заклинание на повышение квартального оборота.

«Бр Еберу Убану Абкалу Абиту»

На увеличение прибыли.

Заклинания полагалось писать на пергаменте вокруг перевернутой пентаграммы. После чего пергамент сжигался. Все это походило на лайтовый сатанизм. Суровая афроамериканка несла эту бредятину с таким уверенным видом, что Валенсия в конце концов бросила удивляться и просто запоминала. Тем более, что она вспомнила, где видела эту даму. В новостях по телевизору.

После второй лекции был двухчасовой перерыв, и они втроем с Селеной и Льен переместились на общую террасу, где был бассейн, шезлонги и бар.

Бассейн был полностью стеклянным, одной стороной выходил наружу, а дно метров на десять выступало за фасад. Сквозь толщу воды была видна стоэтажная пропасть. Лезть туда было страшновато.

– Я еще вот чего не понимаю, – пожаловалась Валенсия. – Как вся эта собачья чушь в голове удерживается? Ведь каждое слово помню. Все эти «ебобу ебати».

– Мы все помним, – хмыкнула Льен. – Я же показывала тебе лингвочип. Кроме языка, он резонирует со словами лекторов и позволяет запомнить все, что они говорят. Как запись.

– Но тогда получается, что, как ученики мы все на одном уровне. Раз все всё помнят. Как они определяют лучшего?

– Очень просто, – сказала Селена. – Главное – не лекции. Главное – практика. Льен, покажи ей свой коронный фокус.

Льен достала из сумочки однодолларовую купюру, показала ее Валенсии, положила на столик и прикрыла ладошкой. С минуту сидела неподвижно, закрыв глаза и шевеля губами. Потом убрала ладонь.

На столике вместо однодолларовой купюры лежала стодолларовая.

– Вуаля! – взмахнула рукой Льен.

– Да ну! Не верю. Это фокус. Их у тебя было две, но однодолларовая к ладони прилипла.

Так?

Льен вздохнула.

– Не хочешь – не верь. Сходишь на пару занятий – поверишь.

– Это у нас неделю назад была лекция по монетам и ассигнациям, - сказала Селена. – Как всегда, все всё помнят. Но только у Льен получается номиналы менять. Это ее сразу на второе место в рейтинге закинуло.

– А кто на первом?

– Барби, конечно, кто же еще. У нее в роду с обеих сторон сплошные финансисты. Генетику еще никто не отменял.

– Если генетика здесь важна, – сказала Льен, – то нам ничего не светит.

– Это точно, – добавила Селена. – У меня в семье из бизнесменов только наркоторговцы. У Льен – макашницы и прочая торговля съедобными тараканами. А у тебя?

– Что-то похожее, – ответила Валенсия. Не говорить же им, что у них в семье торгует только она, да и то исключительно собственным телом.

– Про остальных не знаю. У Наоми вроде одни нигерийские крестьяне. А у Греты – понятия не имею.

– У Греты – прислуга в богатых домах, – сообщила Льен.

– То-то она за Барби постоянно таскается. Наследственное лакейство. А вот, кстати, и они. Легки на помине.

На террасу вышли две блондинки в золотистом и серебряном купальниках. На загорелой был золотистый. На бледнокожей – серебряный. Издалека казалось, что они голые. Их модельные фигуры были почти одинаково стройные и длинноногие, только бледная была немного пошире в бедрах.

Обе действительно походили на разноцветных кукол Барби.

Стоящая немного впереди загорелая огляделась и двинулась к ним явно подиумной походкой, по струнке и качая бедрами.

Бледная шла следом, старательно копируя, но у нее плохо получалось. Она то и дело сбивалась, и тогда ее круглое веснушчатое личико мучительно краснело.

– О, новенькая, – возвестила загорелая Барби скрипучим голоском. – Ты уже здесь. А мне такие новости про тебя рассказали. Я полагаю всем будет интересно послушать. Я ведь думала, ты на молокозаводе работала. Ну, где еще можно работать с таким-то выменем. Ну, не работать, конечно. Скорее, в стойле стоять. С молокоотсосами на сиськах. Давать тонны молока. А ты оказывается у нас работница сферы услуг. Труженица красных фонарей. Борделей. Расскажи-ка, всегда хотела узнать, какого это – ноги раздвигать за деньги?

Бледная хихикнула.

Селена и Льен уставились на Валенсию раскрыв рты и вытаращив глаза.

– Да также, как и бесплатно, – спокойно ответила Валенсия. – Берешь и раздвигаешь. Попробуй. Тебе наверняка понравится.

– Это вряд ли. Знаете, дамы, – Барби повернулась к Селене и Льен. – Уверена, что общение с этой... женщиной негативно скажется на ваших рейтингах. Подумайте об этом. Пойдем, Грета. Здесь воняет.

Барби гордо вскинула голову и развернулась.

– Ага, – пискнула бледная Грета и заковыляла следом.

Наступило тяжкое молчание.

– Ты что, – прошептала наконец Льен, – правда...

– Да, – перебила Валенсия. – Шлюха. Проститутка. Шалава. Потаскуха. Иногда эскортница. Какие-то проблемы?

Внутри все клокотало.

– Да ты что! – сказала Селена. – Наоборот. Это ж круто!

Валенсия недоуменно уставилась на них.

– То есть?

– Это значит, у тебя есть козырь в рукаве.

– Какой?!

– Ну, скорее, не в рукаве, – усмехнулась Селена. – А в манде.

– Тогда уж в анусе. Он же анал предпочитает.

– Кто?!

Селена вскочила с места.

– Пойдем. Всё покажем.

Бизнес-школа занимала весь верхний этаж небоскреба. Тридцать гигантских жилых комнат, из которых было занято только шесть. И несколько общих помещений. Терраса с бассейном, фойе с закрытыми лифтовыми шахтами, зал отдыха с игровыми автоматами, бильярдом и боулингом.

За залом отдыха в небольшой каморке стоял странный прозрачный агрегат, похожий на душевую кабину.

– Что это? – спросила Валенсия, разглядывая свисающие за стеклом датчики.

– Модифицированная геймерская станция. С полным погружением в виртуальное пространство, – сказала Льен.

– Вплоть до запахов и тактильных ощущений, – добавила Селена. – Модификация под виртуальный секс.

– Никогда не занималась виртуальным сексом, – сказала Валенсия.

– Это неважно. Сейчас все объясним, – Льен достала планшет и запустила программу.

У Валенсии глаза на лоб полезли, когда она увидела серые строчки кода на черном фоне.

– Это же Даркнет. Зачем он вам?

– Мы наняли хакера. Он взломал местную систему обучения и достал ответы на завтрашний промежуточный экзамен. Кстати, это правилами не возбраняется. Если мы смогли взломать сервер, – это уже считается плюсом.

– Но возникла проблема, – ввернула Селена.

– Хакер ждет оплаты. А мы не можем заплатить. Ему не нужны деньги. Это какой-то инвалид на коляске. Денег у него как у дурака фантиков. Ему нужен виртуальный секс.

– Так в чем дело? Лезете в кабинку и устраиваете потрахушки.

– В выбранную им локацию нас не пускают. Система говорит, что нам не хватает реального опыта. Мы просили его поменять локацию, но парень ни в какую. Нужна именно эта.

– Зачем в виртуальном пространстве реальный опыт?

– Не знаем. Но у тебя наверняка его много. Попробуешь?

– А мы с тобой ответами поделимся.

Они выжидательно смотрели на нее.

Валенсия пожалала плечами.

– Ладно... Надеюсь, без подвоха?

– Да какой подвох в игрушке?

Льен перелистнула планшет, вызвав окно переписки и отстучала:

«Мы нашли с опытом».

Через минуту появился ответ:

«Чуть не опоздали. Пусть залезает».

Валенсия усмехнулась и открыла дверцу кабины.

– Раздеться надо, – смущенно сказала Льен.

Валенсия скинула все тряпки, залезла внутрь.

– Ну? Что дальше?

Льен топталась на месте и краснела.

– О боже, – Селена закатила глаза. – Льен, все знают, что ты латентная лесбуха. Чего стесняться?

Она отодвинула с дороги подругу и быстро наклеила датчики на тело Валенсии.

Вспыхнуло табло с зеленой надписью «Совпадение подтверждено. Доступ разрешен».

– Вот! – обрадовалась Селена. – Я же говорила. Ну, удачи.

– Угу, – буркнула Валенсия и тут же провалилась в глубину.

Зелень Мирных Полей заканчивается. Дальше тянутся черные выжженные пустоши. Они пересечены потоками кипящей лавы, и ей приходится перескакивать через них, и это делать все труднее. Потоки сливаются, превращаясь в настоящие огненные реки.

Она – эльфийка.

С длинными сиреневыми волосами, сверкающими бирюзовыми глазами и забавными ушками.

Еще у нее есть шикарные стоячие груди пятого размера, осиная талия и длинные ноги с большой мягкой задницей. Из одежды – полупрозрачное платье с вырезами со всех сторон. Из защиты – сверкающий нагрудник, едва прикрывающий соски.

Черти с бесами бесконечными толпами лезут из расщелин.

Ближайшим она срубает головы серебряной катаной. Дальних разносит на куски молниями.

Ее цель – святилище Дур-Балдура в самом сердце огненных пустошей. Она уже видит его уродливые стены, выстроенные из черепов.

Чертей становится все больше, и вместо молний приходится использовать заклинания массового поражения. Красные кривые существа разлетаются на куски целыми отрядами, уносятся вдаль ураганами, превращаются в лед стенами холода.

Наконец, мелкие враги заканчиваются.

Она стоит перед святилищем.

Впереди – гигантская кроваво-красная фигура.

Огромный трехногий демон с бычьими рогами.

Это босс уровня. Сам Дур-Балдур.

– Свежее эльфийское мясо, – рокошет он, поднимая огненный меч. – Иди сюда, моя сладкая.

И, не дожидаясь, бросается в атаку.

Он раза в три больше нее.

Она грациозно танцует вокруг, осыпая ударами катаны его морщинистую шкуру, заваливая льдом и молниями. Ее приемы похожи на смесь балета и танца живота. Сперва он бьет мимо, не успевая за ее движениями и распаяясь все больше. Плавающие глаза елозят по ее соблазнительному телу, мешая сосредоточиться. Наконец, ему это надоедает, он выбивает из ее руки меч, хватая за волосы и поднимает в воздух.

Срывает с себя железный передник, и то, что она считала третьей ногой, вздымается вверх, стремительно набухая.

Она визжит от ужаса, дрыгая в воздухе ногами.

– О да, детка, – довольно урчит он, стаскивая с нее одежду.

После чего берет за бедра, сажает пухлой задницей на свой циклопический агрегат и тут же натягивает на него, словно на кол.

Валенсия вопит от боли пока может.

– Ничего себе... – бормочет Льен, глядя, как Валенсия выползает из кабины на четвереньках. – Теперь понятно, почему нас не пускали. Я бы сдохла.

Валенсия пытается сосредоточиться, но все тело воеет, словно его до сих пор разрывает изнутри.

Этот гребанный хакер драл ее почти час. Своим метровым хером с рогами и шипами. Каким-то виртуальным чудом этот монстр помещался целиком в ее теле, хотя должен был пробить насквозь. Она чувствовала его у своей глотки, когда он входил сзади, и в кишках, когда он натягивал ее сверху.

– Э-э... Прости, – говорит Селена. – Мы не думали, что будет так...

Валенсия отмахивается и ползает по полу, собирая трусы и тряпки.

В горле до сих пор саднит. В попе ноет.

– Черт... Почему больно? Это же виртуальный секс.

– Э, – виновато тянет Льен, – понимаешь. Это же модифицированная кабина...

Валенсия оглядывается и смотрит на кабину.

Вверху, на уровне ее головы из стенки торчит вздыбленный фаллоимитатор. Еще один виднеется внизу, на уровне промежности. Оба они сантиметров десять в ширину и тридцать в длину. Намного больше, чем размеры, к которым она привыкла. На нижнем самотыке вроде бы следы крови. Слышится шипение, и оба монстра исчезают в стенке.

Раздается треньканье планшета.

– О! – преувеличенно радостно восклицает Льен. – Он ответы прислал.

Валенсия хмуро и молча одевается.

– Говорит, очень понравилось. Ты секси.

Валенсия показывает средний палец и бредет враскоряку к выходу. Оборачивается в дверях.

– Ну, сучки! Теперь не расплатитесь.

И хлопает дверью.

– Мы тебе ответы позднее занесем! – кричит Льен. – Пока!

– Не надо было с этим извращенцем договариваться, – бормочет Селена. – Чего сейчас делать-то? Она нам пока нужна.

Глава 4. Люди за стеной

Третье и последнее на сегодня занятие оказалось бесконечным релаксирующим роликом.

Целый час на экране под тихо мурлыкающую музыку и журчание воды расхаживали полураздетые девушки. Они расхаживали по пляжам, паркам, садам, расхаживали по узким улочкам старинных городков, заходили в шикарные виллы, купались в бирюзовых подсвеченных бассейнах, ездили по серпантинам на роскошных кабриолетах.

Сперва Валенсия думала, что это такая реклама красивой жизни, которая ждет учениц, если они будут хорошо учиться.

Но потом в кадре стали появляться мужчины, и характер рекламы несколько изменился.

Мужчины были молоды, мускулисты и спортивны. Сначала они мило беседовали с полураздетыми девушками за столиками вечерних кафе, ездили с ними на кабриолетах, гуляли под ручку на улочках. По мере того, как вечерело, они начинали девушек к себе ненароком прижимать, а руки то и дело оказывались на тонких девичьих талиях.

Дальше события развивались предсказуемым образом.

Вот полураздетые мужчины и полураздетые девушки на ночных пляжах под луной. Вовсю целуются под шум прибоя. Вот они уже плавают вдвоем в подсвеченных бассейнах, и он прижимает ее к борту, одной рукой лаская спину, а другой развязывая завязку на трусах.

А вот они уже в постели под балдахин, раскиданы по подушке длинные, светлые волосы. Мужчина нависает над уже полностью раздетой девушкой, как лев над добычей, вдавливая ее в кровать, сверху падает полупрозрачная завеса от комаров и чужих взглядов, но сквозь нее вполне можно разглядеть согнутые в коленях женские ноги и мужские возвратно-поступательные движения.

Конец.

Валенсия недоуменно смотрит на почерневший экран. В голове крутится один вопрос. Ват зэ фак?! Какого хрена это было и зачем нам это показали? Если это учебный ролик, то чему он должен научить? Или это психологический тест? Показать, а потом наблюдать реакцию. Что будут делать ученицы? Полезут в душ мастурбировать? Попрутся в ночные клубы искать на жопу приключений? Кстати, а ночные клубы тут есть? А камеры видеонаблюдения в этой комнате?

Надо бы найти этих двух сучек и расспросить. Но пока рано. До прощения далеко. Задница болит так, словно побывала на субботнике и пропустила через себя целую роту патрульно-постовой службы.

За окном уже темнело. Небоскребы зажигали огни.

Самое время сделать то, что нужно было сделать еще утром. Пойти на разведку. Обойти весь этаж, поискать пути отступления. Оценить положение. Понять, что делать дальше.

Коридор ее встретил мертвой тишиной и полной пустотой.

Она быстро пробежала мимо комнаты Льен, откуда неслись мяукающие звуки какой-то азиатской музыки. Мимо комнаты Селены, где музыки не было, зато доносились хриплые вскрики и удары о боксерскую грушу. Селена поддерживала себя в боевой форме.

За комнатой Селены начиналось царство отбракованных. Комнаты тех, кого выгнали из проекта. Их было больше двух десятков, пустых гигантских помещений с минимумом

мебели, покрытой белыми чехлами. Некоторые из них были закрыты. Другие стояли с дверями нараспашку.

Коридор тянулся вокруг небоскреба, заметно загибаясь влево. Валенсия даже дернулась от неожиданности, когда из-за поворота показались большие запертые двери. По бокам стояли двое охранников в бронежилетах и с автоматами.

Один преградил ей путь.

– Вам сюда нельзя, леди,

– Туда – и не собираюсь, – сказала Валенсия. – Дальше иду. А что там?

– Лестница. И апартаменты босса.

– Эй! – вскричал второй. – Чего болтаешь? Забыл уже?

– Проходите мимо. Не задерживайтесь, – сразу посуровел первый.

– А если я хочу поговорить с боссом? Мне что делать? Записку вам писать, чтобы передали?

– Ага, – сально ухмыльнулся второй. – За письку.

Он откровенно раздевал ее глазами, хотя и раздевать особо было незачем. Все и так было видно.

Валенсия поймала себя на мысли, что стесняется своего секс-шопного школьного костюмчика.

– Слышь, новенькая, – сказал второй. Его маслянистый взгляд не поднимался выше ее груди. – Тебя куда поселили? В восьмой?

– С какой целью интересуетесь? – она услышала эту надменную фразу в каком-то сериале и с тех пор вставляла ее к месту и к месту.

Он ухмыльнулся.

– Ясен пень с какой! Зайду к тебе ночью после смены.

– На предмет чего? – вторая услышанная фраза.

– Блин, краля. Ты по-человечески можешь разговаривать? На предмет потрахаться, конечно, чего же еще? Ты же шлюха. Вот и зайду. Деньги есть, не волнуйся. За классику сколько берешь? Ну и плюс за щеку присунуть.

Она подняла голову и взглянула в его мутные глаза.

– Я. Здесь. Не работаю.

И быстро пошла прочь. Дальше по коридору.

– Ишь ты, курица, – услышала она за спиной.

– Да они все такие, – тихо сказал первый. – Как здесь оказываются, тут же изо всех щелей говно лезет. Забей.

– Хрена с два я забью, – пробормотал второй. – Только после того, как ей забью по самые помидоры. Смотри какая! Попкой туда-сюда...

Она почти побежала.

Какого лешего на нее клюют одни уроды? Или других просто не существует?

Когда охранники с их дверью скрылись за поворотом, она остановилась отдышаться.

И тут же услышала чей-то тихий плач.

Плакали за стеной, в одной из покинутых комнат.

Дверь в нее оказалась закрытой, но не запертой.

Валенсия осторожно заглянула внутрь.

У балконного окна сидела на полу африканка в желтой клетчатой юбчонке, и самозабвенно рыдала.

– Привет, – Валенсия шагнула в комнату. – Тебя кто-то обидел?

Африканка сразу обрубила плач, будто его и не было, и воззрилась на нее, как на привидение.

– Ты кто?!

– Новенькая. Меня сегодня привезли.

Африканка скользнула взглядом по ее клетчатой юбочке и немного успокоилась.

– Тебя ведь Наоми зовут?

Она кивнула и спросила:

– Что ты здесь делаешь? Если ты новенькая, ты должна сейчас быть в своей комнате.

Ждать хозяина, который придет с тобой знакомиться.

– Да ты что! Какая неожиданность. А меня никто не предупреждал.

– По крайней мере со мной так было. И с некоторыми другими девочками.

– И в чем заключается это знакомство? Он приносит бутылку вина, конфетки и цветы?

– Нет, – недоуменно отвечает Наоми. – Зачем? Вино в комнатном баре есть. Хозяин приходит, мы занимаемся сексом, потом спим, утром снова занимаемся, а потом он уходит.

– А. Вот даже как.

– Конечно. В этом смысл знакомства. Если хозяин покроет тебя два раза, считай повезло. Он тебя отметил. А если ни разу, или вообще не придет, значит надолго ты здесь не удержишься.

– А если я не приду?

Наоми округлила глаза.

– Такого еще никто не делал. Наверное, приравнивается к «он не пришел». А может что похуже. Я бы на твоём месте бежала сейчас к себе сломя голову.

– Так скоро и сделаю. После того, как ты ответишь на вопрос. Почему ты плакала?

– Я не плакала.

– Ну да, извини, не плакала. Ревела, как белуга. Так будет точнее. Тебя кто-нибудь обидел?

– Какое тебе до этого дело? – тихо спросила она.

– Ровным счетом никакого. Но я, как любая эгоистка, думаю о своей безопасности. И если рядом кто-то плачет, значит безопасности нет. И надо бы разбираться. Тебя охранники обидели?

– Какие охранники?

– Те, что за поворотом у дверей стоят. Они кого хочешь обидят.

– Меня они не обижали. Я их даже не видела.

– Повезло. Тогда в чем же дело?

Наоми долго молчала. Взгляд испуганно бегал.

– Я думаю, они сегодня ночью придут за мной, – наконец прошептала она.

– Прости. Они – это кто?

Она вскочила и приблизилась к Валенсии.

– Люди за стеной.

И закрыла ладошкой рот.

– О них лучше не разговаривать. Они услышат где угодно и ночью придут и за тем, кто говорил, и за тем, кто слушал.

– Суровые люди.

– Разве ты не слышишь их шаги?

Валенсия сделала вид, что прислушивается.

– Увы, нет. Наверное, я не достойна их слышать.

– Идем со мной!

Наоми вылетела в коридор и подбежала к внутренней стене, где за весь путь от своей комнаты Валенсия не встретила ни одной двери, ни одного намека на то, что там находится. ей были только комнаты внешнего кольца.

– А сейчас? – Наоми остановилась. – Сейчас тоже ничего не слышишь?

– Извини, нет.

– Значит, они не готовы тебе показаться, – понурилась Наоми. – И значит ты мне ничем не поможешь.

Она повесив голову побрела по коридору.

– Постой...

Но Наоми только отмахнулась и вскоре скрылась за поворотом.

Валенсия огляделась. Потом прислушалась.

Ничего. Кромешная тишина. Угрожающая.

И тут она услышала. Или ей показалось. Или это была слуховая галлюцинация.

От стены, за которой ничего не было, шли едва слышные звуки.

Но это не были звуки шагов.

Это было похоже на... словно десяток людей медленно скребут длинными ногтями по штукатурке.

– Вот!

Она подвела Льен вплотную к стене.

– Слышишь?

Та замерла, прислушиваясь. Даже приложила ухо к штукатурке. Посмотрела на Валенсию, как на сумасшедшую.

– Ничего не слышу. Извини.

– Как?! Звук такой. Скрррр... Скрррр... Довольно громкий.

Льен она поймала в коридоре. Та как раз шла отдавать Валенсии честно заработанные ответы для экзамена.

– Может, это крысы?

Валенсия нахмурилась.

– Вряд ли. Что там вообще, за этой стеной?

– Ничего.

– Этого не может быть. Смотри, – она нарисовала на стене пальцем круг. – Это внешняя стена здания. Все комнаты находятся по внешней стене и выходят на улицу. Получается, что это, – она нарисовала второй круг внутри первого, – внутренняя стена. И за ней должно быть огромное пространство. Почти восемьдесят процентов этажа. Что там? Я прошла весь коридор по кругу. В этой стене нет ни одной двери. Как туда люди попадают?

– Может у них свои лифты и свои лестницы? Там просто собственник другой. Зачем ему двери сюда?

– Возможно. Но все равно странно. Еще звук этот...

Льен виновато потупилась, вдруг подумав, что Валенсия отхватила психическую травму

в секс-кабине.

– Слушай... Насчет сегодняшнего. Мы правда не знали, что так получится. Прости.

Валенсия отмахнулась.

– Проехали. Все отверстия в наших телах сжимаются и расширяются. Как Вселенная, – вспомнила она любимую фразу Банзая. Тот всегда ее повторял, если какая-нибудь девочка сталкивалась с конскими размерами.

– Мы потом с Селеной посмотрели инструкцию. Там можно было уменьшить размеры. Просто по умолчанию стоит «выбор партнера». А партнер выбрал максималку.

– Это вы хорошо сделали, что посмотрели. Главное, вовремя.

– Прости.

Внезапно большая часть ламп погасла. Коридор погрузился в полумрак.

– А это еще что?

– Ночное освещение, – сказала Льен. – Слушай, пойдем отсюда. У пустых комнат ночью довольно жутковато.

– Ладно. Иди. А я кое-что хочу проверить.

– Уверена? Вообще это может быть опасно. Некоторые из наших пропадали как раз во время таких ночных прогулок.

– Двигай. Я буду осторожна.

Льен помахала пачкой карточек с распечатанными ответами.

– Я их тебе под дверь суну.

– Замечательно.

Она скрылась за поворотом, а Валенсия замерла, снова прислушиваясь.

Было в этих звуках что-то знакомое. Не ногти. И не шаги. Скорее что-то механическое. Словно какой-то агрегат скоблил с той стороны стены.

Она прошла по коридору назад, и метров через двадцать увидела то, что заметила раньше.

Маленькую вентиляционную решетку у самого пола.

Валенсия села на корточки, отвернула ногтем пару хлипких болтов, осторожно, чтобы не греметь, сняла решетку. После чего растянулась на полу и с опаской заглянула в темный проем.

Там было пыльно и грязно, тянулись перепутанные провода, чуть дальше блестели каплями водопроводные трубы. А за трубами, примерно в пяти метрах от нее, светлел такой же вентиляционный проем.

Она не сразу поняла, что видит. А когда поняла, едва сдержалась, чтобы не завизжать.

В отверстии напротив на нее не мигая смотрели красные глаза.

Узкая темная морда существа казалась почти человеческой. Только вместо носа чернела треугольная дыра.

Существо с шипением втянуло воздух, рыкнуло и исчезло.

Валенсия отпрянула в сторону, пытаясь унять панику. Сердце стремилось выпрыгнуть из груди, как бешеное. Трясушимися руками она прикрепила решетку обратно. С трудом встала, держась за стену. Ноги дрожали.

Звуков за стеной больше не было слышно. То ли их заглушало буханье сердца. То ли те, кто их издавал, притаились и чего-то выжидали.

Она медленно двинулась прочь по коридору, то и дело оглядываясь. Мрак впереди и позади сгустился, словно даже оставшиеся лампы постепенно гасли.

Черная скособоченная тень стремительно пересекла вдали темноту коридора и скрылась в одной из пустых комнат.

Валенсия замерла. Ее трясло. Бежать назад. Там охранники. Они гандоны, но они понятные гандоны, известно, что им надо. Пусть трахают, сейчас ей это даже необходимо. Расслабиться и ни о чем не думать.

Она сделала шаг назад и снова замерла.

«Никогда не беги от страха. Страх догонит и вцепится в спину. Иди ему навстречу. У груди есть шанс победить. У спины – никогда.»

Тебе легко так говорить, Банзай. У тебя позади ВДВ и Афган с Чечней. Что тебе какие-то красноглазые уроды?

Но ноги уже сами несли ее вперед.

Она, стараясь не дышать, приблизилась к открытой двери и заглянула внутрь.

Тень черным пятном выделялась на фоне окна с сияющими башнями небоскребов. В руках у нее был то ли журнал, то ли папка с бумагами. Она перелистнула страницу и включила фонарик, выхватив из темноты лицо.

Валенсия шагнула внутрь.

– Что ты здесь делаешь?

Барби пронзительно взвизгнула и подскочила на месте.

– Какого хрена?!

– Что ты. Здесь. Делаешь?

– Это не твое дело, шлюха. И не твоя комната. Проваливай.

– И не твоя.

– Это комната моей подруги. Я имею право здесь находиться. Ты – нет.

– Здесь уже давно никто не живет. Ты пробираешься сюда ночью, как воришка. И говоришь, что имеешь на это право? Что у тебя в руках? Дай посмотреть.

Валенсия протянула руку.

Барби размахнулась и выбросила бумаги в открытое окно.

Папка ударилась о балконный парапет и свалилась вниз. Несколько листков вылетели из нее, и их подхватил ветер.

– Не успела явиться, а уже наглеешь, сука? – Барби потрянула головой и гордо прошла к выходу, задев Валенсию плечом. – Ты здесь никто и звать тебя никак. Твое место в борделе. Не суйся в дела нормальных людей. Пожалеешь.

Она хлопнула дверью.

Валенсия огляделась.

Это была обычная покинутая комната, где из мебели оставались только покрытые белыми чехлами кровать и кресло. Не было даже гардероба. Вместо него в стене зияла квадратная дыра.

В полутьме было плохо видно, но она заметила в дальнем углу разобранный паркет.

Она встала на колени и сунула руку в узкую темную нишу. Тайник был пуст. Видимо, именно отсюда Барби забрала папку.

Валенсия вышла на балкон, облокотилась на парапет и посмотрела вниз. Тьма внизу была расчерчена сияющими дорогами. Желтые реки фар слева, красные реки стоп-сигналов справа. Вырастающие из темноты небоскребы сияли огнями докуда хватало глаз.

Никакой папки, разумеется, видно не было. Даже разрозненные листы унес с собой ветер.

Валенсия вернулась обратно, вышла в коридор, запомнив номер комнаты, криво висящий на двери (№15).

Здесь было все так же темно и страшно.

Она пошла прочь, сперва быстрым шагом, потом бегом, и бежала до тех пор, пока впереди не показалось ярко освещенное фойе.

Здесь в баре сверкали бутылки. Лысый бармен смешивал коктейли. Сидящая у барной стойки Грета увидела ее и тут же отвернулась. Сияла гирлянда над выходом на террасу, и кто-то фыркал и плескался в бассейне.

Валенсия, не останавливаясь, прошла мимо, дошла до своей комнаты и чуть было не завизжала в голос, когда навстречу из темноты выступил массивный мужской силуэт.

– Валенсия? Заставляешь себя ждать.

Бывают такие голоса, от которых по спине разбегаются мурашки.

Этот был как раз из таких. Негромкий, чуть хриплый и пробирающий до костей.

Ватные ноги от неожиданности чуть было не подкосились.

Сильные пальцы сжали локоть и удержали ее на ногах.

– С тобой все в порядке?

– Да. Все прекрасно.

Черные брюки, черная рубашка, застегнутая до упора. Черные волосы, аккуратная черная бородка. Светлыми у него были только глаза. На больного и умирающего он точно не был похож.

Он внимательно оглядел ее лицо.

– Выглядишь бледновато.

– Я почти всегда так выгляжу.

– Да? А мне докладывали, что у тебя кровь с молоком, – усмехнулся он, и его взгляд на мгновение скользнул от лица вниз.

– Врали, наверное, – она все пыталась унять внутреннюю дрожь. – А вы...

– Да. Это я, – перебил он.

– Мне никто не говорил, что у меня вечером будут важные гости.

– Просто никто не думал, что в первый же вечер ты отправишься на разведку местности. Кстати, как разведка? Успешно? Языков много поймала?

– Есть несколько.

Он отстранился, разглядывая ее в упор.

– Мы так и будем в коридоре разговаривать? Или зайдём внутрь?

Она на секунду замерла, также разглядывая его в ответ.

В конце концов, это точно был предпочтительнее, чем вариант с наглым охранником.

– Конечно, – сказала она, глядя ему прямо в глаза и приоткрыв губы.

Медленно повернулась, повела бедрами, и чувствуя его взгляд ниже спины, открыла дверь.

Глава 5. Подозрительные пятна

– Выпьете что-нибудь?

Барный шкаф был низким, и удобнее было присесть на корточки. Вместо этого она свела ноги вместе и, не сгибая их, нагнулась чуть не до пола. Мини-юбка собралась на талии, открыв взору сзади всё богатство.

– Виски, пожалуйста, – излишне вкрадчиво попросил он, не спуская глаз с ее ягодиц. – Там у тебя должна быть бутылка скотча.

Валенсия нашла бутылку, захватила два стакана и вернулась на диван. Не спеша, старательно ставя ноги по одной линии и качая бедрами, как на подиуме.

– Тоже будешь скотч? – заметил он второй стакан.

– Если вы не против. Мне надо успокоиться. Вином и коктейлями тут не отделаешься...

– Что-то случилось?

– Слава богу, нет. Если, конечно, не считать, что ваши люди меня похитили и засунули в чемодан.

– У них был приказ доставить тебя любой ценой.

– Я настолько вам нужна?

– Даже не представляешь, как.

Он протянул руку и пропустил сквозь пальцы прядь ее волос.

Она попробовала виски и поставила стакан на столик.

– Кстати, я в ваших владениях уже целый день, но до сих пор не знаю, как вас зовут.

– Зови меня, как и все, – босс. Просто босс.

Валенсия хмыкнула.

– Это странно.

– Почему?

– Обычно люди вашего уровня крайне индивидуалистичны. Свое имя суют в каждую дыру. Мол, смотрите, я великий Себастьян Дриц! Миллиардер, профессор и меценат. А вы, получается, свое имя прячете.

– Люди моего уровня абсолютно разные. Ты больше знаешь о дрицах, именно потому что дрищи везде суют свое имя. На самом деле таких меньшинство, просто они не сходят с газет и телевизоров. Это скоморохи с мелочью в кармане. А большие деньги любят тишину.

– Ясно, босс, – она повернулась к нему боком, соблазнительно изогнув бедра. – Скажите, босс... Зачем я здесь?

– В смысле, зачем ты здесь на диване? – усмехнулся он, разглядывая ее ноги.

– Зачем я здесь на диване, я знаю. Зачем я вам понадобилась? Вообще.

– Чтобы мне было спокойнее. Чтобы я был уверен, что дело перейдет в надежные руки.

– Вы правда думаете, что мои руки надежнее рук ваших собственных детей?

– Так думает Оракул. А он за десять лет ни разу не ошибся.

– Значит, это правда, насчет болезни?

– Увы.

– Вы не похожи на больного.

– Болезни бывают разные.

– Мне жаль.

– А уж как мне жаль.

Она поднялась с дивана и встала перед ним.

– Знаете, босс. У меня есть предложение. Я знаю, зачем вы пришли. Вы знаете, зачем пришли. Давайте не будем ходить вокруг да около и строить из себя героев дамских любовных романов, которые сперва долго друг друга мучают, и только к середине книжки занимаются сексом. Перейдем сразу к десерту.

– А что у нас на десерт?

– Я.

Она расстегнула пуговицу на поясе, и юбка скользнула к ее ногам. Развела в стороны блузку, освободив качнувшиеся сочные груди с уже торчащими сосками. Стянула трусы.

Его взгляд медленно ласкал ее тело, переходя от груди к узкой талии, от талии к округлым бедрам, от бедер к длинным ногам и тому, что пряталось между ними.

Наконец, он посмотрел в ее наивно распахнутые глаза. Поднялся. Он был выше ее на голову. Ее тело содрогнулось, когда его пальцы тронули набухший сосок. Скользнули вверх, легонько сжали шею. Переместились к приоткрытым пухлым губам. Потом взяли за подбородок и подняли лицо.

– Наблюдатели не соврали, – прошептал он. – Ты великолепна... Спасибо за представление. Можешь одеваться.

Она решила, что ослышалась.

Большие серые глаза распахнулись еще шире. В них плескалось недоумение.

– Но...

– Одевайся, – повторил он и погладил ее по щеке. – Ты забыла одну важную деталь. Десерт сам себя не распаковывает.

Он мягко отстранил ее с дороги и вышел из комнаты. Дверь едва слышно закрылась.

Так ее еще никто не унижал.

Черт, да от нее с четырнадцати лет никто не отказывался. Стоило ей приподнять до ляжек юбку, как у мужиков начинала капать слюна, и они были готовы нагнуть ее, не сходя с места.

Она, рыча, металась по комнате, как раненная тигрица, придумывала планы мести и хлестала один стакан виски за другим. Это был какой-то элитный вонючий самогон для извращенцев. Он пах шпалами, торфом и чем-то больничным. Но сейчас ни запаха, ни вкуса она не замечала.

В голове уже шумело, комната раскачивалась, как на волнах.

Когда в дверь постучали, она решила, что это гребанный босс передумал и вернулся.

Но это был наглый охранник.

– Ну что, сучка? Готова к... Вау! – у него даже рот открылся от изумления. – Да ты уже в рабочей одежде.

Она была абсолютно голой.

– А говорила, не работаешь. Ну так сколько за минет и классику?

– Тебе повезло, парень, – хрипло сказала она. – Сегодня у меня день открытых дверей. Всё бесплатно.

Она схватила его за белобрысые волосы, притянула к себе и впиалась в губы, прокусив их

до крови.

– Эй! Ты что творишь?! Осторожно!

– Молчи. И делай, что я скажу.

Ее глаза горели ведьминским огнем. Губы шептали заклинание «начала». Обе руки опустились к его паху и быстро нащупали то, что старая бабка называла «херокнопкой», а она сама – точкой отключения мозгов.

Он дернулся. На лице отразилось замешательство.

– Слушай... По-моему, ты малость не в себе. Давай-ка я в следующий раз зай...

И замолчал, потеряв мысли. Теперь для него существовала только стоящая перед ним сладкая конфетка. Моментально разбухший до упора орган словно перетянул на себя управление.

Она дернула молнию на ширинке, схватила выпрыгнувший наружу длинный член и пробормотала на ухо охраннику первые слова долгого заклинания, которое составила уже давно, но до сих пор боялась применить.

– Выеби меня.

И тут же в голове заворочалась старая бабка. «Что ты творишь, дура?! Одумайся! Ты же от него потом не избавишься» – «Не лезь, старая», – отмахнулась Валенсия и загнала бабку обратно в чулан.

– О, да, детка, – осклабился охранник. – Это ты по адресу.

Заклинание было дико сложным и требовало максимальной точности и сосредоточения. Все слова, позы, движения должны были быть на своем месте. Только сейчас до нее дошло, что из-за выпитого вискара она может где-то ошибиться. Но было уже поздно.

Охраннику казалось, что он делает все сам, по своей воле, но на самом деле его незаметно дергали за ниточки, как марионетку. С самой первой позы, когда он тут же у дверей бросил ее животом на низкую спинку ближайшего кресла, грубо раздвинул ноги и одним резким толчком засадил до самой матки, он был под полным контролем и ничего не делал самостоятельно. В большинстве случаев даже слова были не нужны. Она изогнула бедра – и он ставит ее раком. Повернула к нему голову и приоткрыла губы – он опускает ее на колени и пялит в рот. Выпятила зад – значит, настало время познакомиться с аналом. Только однажды она скомандовала «Ложись» и оседлала его наездницей. Позы сменяли одна другую и уже в третий раз шли по кругу. Боком, раком, стоя, лежа, сидя. На кровати, на кресле, на столе, на полу, у стены. Она уже потеряла счет оргазмам и старалась их не допускать, чтобы не потерять контроль. Просто шептала про себя подходящее к позе заклинание.

Наконец, он отвалился от нее в изнеможении, и она тихо произнесла последние слова «взрывного финала», стандартного конца любой подобной сборки.

Потом сама еле заползла на него, стараясь унять дрожь в ногах.

Посмотрела в его пустые глаза, гадая, получилось или нет.

– Когда я скажу «Служи!», – проговорила она ему на ухо, – будешь служить... Служи!

– Да, госпожа, – механически ответил охранник.

– Не называй меня госпожой, это будет подозрительно.

– Да.

– Вообще, веди себя как обычно, нагло, развязно. Просто исполняй приказы.

Он ухмыльнулся.

– Ну что, щюшка? Понравилось? Сладко я тебя отодрал? Повторим?

– Повторение будет за деньги, милый, – проворковала она.

– Че, правда? Блин... А, плевать. Чтобы твою тугую пизду еще раз натянуть, ничего не жалко. Все, что хочешь сделаю.

– Конечно, сделаешь.

Он кряхтя сполз с кровати.

– Стой, – приказала она. Он замер. – Когда скажу «Свободен!» – будешь свободен... Свободен!

Он недоуменно оглянулся на нее.

– Ты че-то сказала, шлюха?

– Нет, дорогой, тебе показалось.

Он поднял с пола штаны и стал одеваться.

Бабка выползла из чулана и одобрительно поцокала языком. «Ишь ты, хитра девка. Нашла-таки способ отвязывать прислужника» – «А ты думала». Валенсия затолкала ее обратно.

– У меня просьба, – сказала она. – Не рассказывай никому, что между нами было.

Он оглядел ее вытянувшееся на кровати нагое тело и ухмыльнулся.

– Хрена с два. Я прямо сейчас всем растреплю, что такую роскошную суку выебал.

– Служи!

– Да.

– Ты забудешь все, что было за последний час. После смены ты пошел не сюда, а прямо домой. Понял?

– Понял.

В коридоре послышался какой-то шум, голоса. В дверь громко забарабанили.

– Инспектор! Вы здесь, инспектор?! – послышался незнакомый голос.

– Что еще за инспектор? – вскинулась Валенсия и схватилась за одежду.

– Инспектор Крейн?! Вы там?!

– Это я – инспектор, – тихо сказал ей охранник. – Инспектор полиции Алекс Крейн.

– Опачки... А я думала, ты наш сторож.

– Сторожем я подрабатываю. В полиции скорее сдохнешь, чем заработаешь... Бинго, парни! – крикнул он. – Вы меня нашли!

Он застегнул рубашку, пригладил волосы и открыл дверь.

В комнату ввалились незнакомые охранники и худой каменнолицый джентльмен в костюме, которого Валенсия видела в самолете.

– Инспектор, – худой оглядел беспорядок в комнате, сдвинутые кресла, смятые простыни, валяющиеся на полу подушки с влажными следами. – Ваш напарник нам сказал, что вы пошли к...

Он бросил взгляд на застывшую рядом с кроватью Валенсию в съехавшей набок юбочке, неправильно застегнутой блузке и с подозрительными пятнами на кукольном покрасневшем личике.

– Да, зашел тут... по делу. Что произошло?

– У нас ЧП. Пропала одна из девушек. Наоми. Судя по всему, ее убили.

Широкая кровавая полоса тянулась от кровати до двери. За дверью ее уже не было.

– Ее дотащили по полу до коридора. А в коридоре подняли на руки, – предположил худой. – Поэтому в коридоре почти нет следов. Пять смазанных капель крови, не больше.

Инспектор Алекс Крейн задумчиво покивал и достал лупу. Поднес ее к одной из капель в коридоре.

– Все так, все почти так, господин Марш... Так, да не так. Посмотрите сюда, – Крейн показал на лупу. – Видите отпечатки треугольничков на пятне? Это фирменный стиль одной местной кустарной конторы. «Браун и сыновья». Они так всю свою полиэтиленовую продукцию маркируют. А делают они в основном пакеты для мусора, пленку для теплиц. И мешки для трупов. Девушку дотащили до коридора. И здесь запаковали. Интересно одно. – Крейн встал. – Почему они не стали запаковывать ее в комнате. А пошли на риск делать это в коридоре? Их могли увидеть.

– У них не было мешка, – сказала Валенсия. – Сначала они потащили ее к коридору, но увидели, что льется слишком много крови. И пошли искать мешок. А когда нашли, их что-то спугнуло в комнате, они расстелили мешок в коридоре и перенесли тело.

Крейн вздернул голову и посмотрел на нее прищурив один глаз.

– Логично, логично. Но что их могло спугнуть ночью в комнате?

– Свидетель, например. Появился кто-то на балконе, и риск стал больше здесь, а не в коридоре. Занавесок-то нет.

Крейн щелкнул пальцами, и к нему подскочил один из констеблей.

– Узнайте, кто живет в соседних комнатах, и что они видели или слышали.

Констебль убежал.

– Кто мне скажет, какой из всего этого можно сделать вывод? – Крейн оглядел сгрудившуюся в коридоре кучку констеблей и местных охранников. – А вывод простой. Мешка не было, значит они заранее не готовились. Убийство произошло спонтанно. Возможно, случайно. И столько крови они точно не ожидали. Значит, опыта убивать у них тоже не было.

– Только не «у них», а «у него», – опять встряла Валенсия. – Убийца был один. Если б их был хотя бы двое, труп бы не пришлось стаскивать с кровати и тащить к двери волоком. Его бы взяли за руки и за ноги и быстро отнесли куда надо.

Все помолчали. Потом худой повернулся к Крейну.

– Послушайте, инспектор. Что на месте преступления делает эта девка? Зачем вы ее с собой приволокли. И почему позволяете вмешиваться?

Крейн вздохнул.

– Во-первых, господин Марш, она не девка, а ценный свидетель, возможно, последним видевший жертву живой. А во-вторых, комментарии у нее пока были вполне по делу. Если не согласны, можете с ней поспорить.

– Не собираюсь я с ней спорить, – отчеканил Марш. – Но если она видела жертву последней, то она не свидетель, а подозреваемый. И не забывайте, инспектор, вы пока мой подчиненный. Делайте то, что я говорю.

– Я вам подчиняюсь в качестве охранника. А как инспектор полиции подконтролен только городу. Что касается подозреваемой...

Он подошел к Валенсии и двумя пальцами сдвинул ей щеки.

– Ну посмотрите на эту милую мордашку. Разве она может быть подозреваемой? – Он наклонился к ее уху и прошептал: – То, что я тебе пару раз присунул, не дает право лезть при всех в расследование. Потом свои ценные мысли выскажешь. А пока постой в сторонке.

Он придал ей направление шлепком по попе.

Валенсия отошла в угол и села на табуретку.

Крейн вернулся по следу к кровати, стараясь не наступать на до сих пор блестящие красные пятна.

Кровать выглядела так, словно на нее вылили ведро крови. Белые простыни стали бурыми.

– Ясно одно. После такой кровопотери выжить невозможно. Так что дело открываем по статье «Убийство».

– Трупа же нет, – сварливо сказал Марш.

– Было бы дело. А трупы найдутся.

– Может это свиная кровь? Или говяжья? Подождите хотя бы экспертизы.

Крейн опустил на корточки и обмакнул палец в кровавое пятно.

Понюхал. Лизнул.

– Человеческая. Они пахнут по-разному.

Он встал, отряхивая ладони.

– Итак, дело заведено. Весь этаж объявляется местом преступления. Из своих комнат никому не выходить. Этаж не покидать. Констебли, доведите это до сведения проживающих.

Двое полицейских выскользнули в коридор.

Крейн оглядел оставшихся.

– Остается пара вопросов. Где здесь можно найти мешки для трупов? Или рулоны полиэтиленовой пленки?

– Мешки для трупов – нигде, – сказал Марш. – А пленка есть на кухне ресторана.

– Ага, – палец Крейна уткнулся в одного из копов. – Займись кухней.

Тот убежал.

– Следующее. Кто постоянно проживает на этаже?

– Только шестеро учащихся, – сказал Марш. – Прислуга живет этажом ниже. А остальные... сами знаете. Другими словами, после девяти вечера, когда заканчивается смена, на этаже находятся только шестеро девок... пятеро, если жертву не считать. Плюс два охранника на выходе, один из которых вы. И бармен в фойе, у которого смена заканчивается в час ночи.

Палец Крейна указал на последнего копа.

– Займись барменом. Покидал он бар или нет, если покидал, то во сколько и на какое время. Его показания проверишь по камерам.

Коп кивнул и вышел.

– Кстати, насчет камер...

– Работают камеры в фойе, у выхода на лестницу, у бассейна на террасе. По одной камере у жилых помещений. Остальные отключены.

– Почему?

Марш пожал плечами.

– Потому что остальные расположены у помещений, где давно никто не живет. Кстати, эта комната тоже в мертвой зоне. Наоми хотела жить подальше от других, поэтому выбрала комнату среди пустующих помещений.

– Плохие отношения с подружками?

– Не сказал бы. Скорее просто нелюбимость. Короче, подозреваемых раз два и обчелся. Пятеро девчонок. Бармен. Охранник. Вас не считаю.

– У меня алиби, – сказал Крейн. – У девушки тоже. У нас с ней общее алиби.

– Я заметил, – саркастично сказал Марш.

– Хрена с два! – подала голос Валенсия. – Подозреваемых гораздо больше. Есть еще люди за стеной.

– Какие люди? – нахмурился Крейн. – За какой стеной?

– Вон за той стеной, – она махнула рукой в сторону открытой двери. – Наоми боялась людей за стеной и говорила, что ночью они за ней придут. Вот и пришли.

Крейн повернулся к Маршу.

– Что находится за этой стеной?

– Там чужие помещения и они никак не связаны с нашими. Туда нельзя пройти.

– Но что там?

– Не могу сказать.

– Не можете или не хотите?

– Это секретная информация.

– Даже так? Но хотя бы в общих чертах? Там работают? Или живут?

– Там не работают и не живут, – раздался от двери хрипловатый голос, от которого по спине Валенсии опять побежали мурашки. – Там сидят.

Облаченный в черное босс шагнул внутрь.

– Я расскажу, Марш. Ничего страшного. За стеной – одно из пеницитарных заведений нашей корпоративной службы безопасности... Частная тюрьма для особо опасных преступников. Но отсюда туда и оттуда сюда действительно никак не попасть. Эта стена – армированный сталью железобетон. Ее не пробьешь. Дверей и проходов нет. Единственный путь – это центральный лифт и центральная лестница. К тому же охраны там больше, чем заключенных. И постоянно бегают собаки. Они скорее сожрут зэка, чем позволят ему сбежать.

– Сколько там заключенных? – спросил Крейн.

– Двадцать с небольшим. И около пятидесяти человек персонала.

– Итого еще семьдесят подозреваемых. Превосходно.

– Вы не поняли, инспектор. Они бы не смогли сюда пройти. Это нереально.

– Мне нужен пропуск в это ваше пеницитарное заведение.

– Вы зря потратите время.

– Лучше его зря потратить, чем упустить.

В комнату шумно отдуваясь вбежал один из констеблей.

– Шеф! Шеф! Мы нашли тело.

– Где?

– На... Нет, вы не поверите. Это лучше глазами увидеть.

Глава 6. Допрос

Валенсия взяла Крейна за рукав и затолкала в темный закуток, пока никто не видел.

– Служи!

– Да.

– Последний раз говорю, забудь, что между нами было. После смены ты пошел домой.

– Не получится, – мотнул он головой.

– В смысле? – опешила она.

– В прямом. Во-первых, такое не забывается. Твоя стоящая раком и дрожащая от фрикций круглая, сочная жопа теперь всегда будет перед моим внутренним взором, пока не сохну. А во-вторых, свидетели же есть. Они все-равно напомнят. Целая толпа охранников во главе с директором службы безопасности господином Маршем. Которые были в твоей комнате, видели нас с тобой, видели бардак на кровати, беспорядок в нашей одежде и следы спермы на твоём милом личике. Вот если ты со всеми ними переспишь, наведешь свою порчу, или что ты там со мной сделала, и прикажешь им забыть, – вот тогда и я забуду.

– Дельное предложение. Возможно, я им воспользуюсь. Погоди... Так ты все понимаешь?

– Что именно? Что ты каким-то образом заставляешь меня выполнять твои приказы? Конечно, понимаю. Ты же не надеялась своим колдовством превратить меня в идиота.

Как раз именно на это Валенсия и надеялась. Прислужник не должен был ничего понимать. Видимо, сказался все-таки вонючий вискарь. Где-то она ошиблась.

– Да не волнуйся ты, мокрощелочка моя прекрасная. Я от твоих приказов не отказываюсь. Буду выполнять. Пока не придумаю, как их игнорировать.

– Не называй меня мокрощелкой!

– Приказ понят.

– И вообще будь повежливее. Особенно со мной.

– Сложно, – помялся Крейн. – Но я постараюсь.

– Инспектор! – раздался голос директора Марша. – Куда вы снова подевались?!

Они вынырнули из закутка в коридор.

– А! Опять! Вы что, оторваться друг от друга не можете? Блядством по ночам надо заниматься.

– Так ведь еще ночь, директор. Мы им и занимаемся.

Марш надулся от негодования.

– Мне иногда кажется, инспектор, что вы не на своем месте.

– Вы знаете, мне это тоже иногда кажется. Я до сих пор мечтаю стать космонавтом.

Когда они добрались до ресторана и распахнули двери кухни, Крейн тут же застыл на месте, словно натолкнулся на стеклянную стену.

Валенсия налетела на него плечом и взвизгнула, прижав обе руки ко рту.

– Вот, – сварливо сказал Марш. – Полюбуйтесь. Еще сатанистов нам не хватало.

Обнаженное тело Наоми было прибито гвоздями к стене над большой дымящейся жаровней. Оно висело вниз головой с раскинутыми в стороны ногами и руками и было вписано в перевернутую пентаграмму. Вокруг тела и пентаграммы, как на уроках седовласой афроамериканки из МВФ, были начерчены пять коротких слов. Но в отличие от учебных

заклинаний, эти слова были не просто непонятны. Они были еще и написаны незнакомым алфавитом.

– Твоя теория об одном убийце только что полетела ко всем чертям, – тихо сказал Крейн. – Один человек такой перформанс потянуть не в состоянии. Нужно как минимум трое. Двое держат, третий прибывает.

Валенсия сглотнула, продолжая таращить глаза на труп Наоми.

– А это еще кто такой? – спросил Крейн, показав на стоящую у жаровни коренастую фигуру с короткими седыми волосами. Человек рассматривал пентаграмму.

– Это та, кто нам может помочь, – сказал стоящий рядом с дверями босс. – У меня наверху небольшая вечеринка в пентхаусе. Я попросил спуститься, когда узнал, что произошло.

– «Небольшая» это сколько? – поинтересовался Крейн.

– Человек тридцать. Но я вас уверяю, ночью они сюда не спускались.

– Охотно верю. Но проверю. В любом случае, ваш гость находится на месте преступления. Это не дело.

– Она будет полезной. Эта дама собаку съела на пентаграммах. Кристин! – крикнул босс. – Будь добра, подойди к нам.

Человек обернулся, оказавшись той самой афроамериканкой из МВФ.

– Какой ужас. Бедная девочка, – она покачала головой. – Инспектор, вы уже нашли преступников?

– Так быстро только мыши плодятся. Что вы можете сказать об этой мазне? Сатанисты?

– Нет, конечно. Пентаграмма – это универсальная основа для начертания самых разных заклинаний. Я, к примеру, тоже ею постоянно пользуюсь. Для финансовой магии звезда Давида лучше подходит. Но у нее ограниченный срок действия и много побочного негатива.

– Это все, конечно, интересно. Но давайте ближе к телу. Что там вокруг тела написано. И что все это значит.

– О, это самое интересное. В своей магии мы пользуемся арамейским алфавитом и арамейским языком. Это старейший язык международных финансистов. Первая, так сказать, лингва франка. Только при обучении учеников мы используем латиницу. Но язык при этом – все равно арамейский. Это язык финансовых заклинаний. Ему почти три тысячи лет.

– Мадам, я просил...

– Инспектор, это важное вступление. Так вот, здесь, – она указала на закорючки вокруг пентаграммы и тела, – использована еще более древняя письменность. Финикийская.

– И что здесь написано?

– В том-то и дело, что ничего. Абракадабра. Может, это незнакомый мне язык, но на мой взгляд там просто набор звуков. Но это и неважно. Важно, что финикийщина сейчас используется только в двух сферах магической деятельности. Это работорговля. И моление Темным богам.

– То есть все-таки сатанисты?

– Сатанисты по сравнению с жрецами Темных богов – карапузы в коротких штанишках. Я бы на вашем месте с ними не связывалась. Лучше надейтесь, что это ритуал работорговцев, направленный на очередную войнушку где-нибудь в Восточной Европе. Которая выкинет на

арабские рынки очередную порцию грудастых и жопастых славянок, – афроамериканка мельком глянула на Валенсию. – Хотя обратите внимание, девушка чернокожая. А жизни черных важны. Вы понимаете?

– О, да. Хотите сказать, что если это работорговцы, то их заклинание направлено на войнушку в Африке. А если б им нужна была войнушка в Восточной Европе, они бы приколотили к стене вот ее, – он кивнул на Валенсию.

– Что-то вроде. Схватываете налету, инспектор.

– А если это все-таки жрецы?

Афроамериканка вздохнула.

– Тогда это вообще не заклинание. Это жертвоприношение Баалу. И это очень плохо. Потому что Баалу никогда не приносят одну жертву. Это оскорбление бога, он остается голодным.

– Будут еще жертвы?

– Вне всяких сомнений, – она показала глазами на Валенсию. – Всех этих девок зарежут, выпотрошат и подвешат над жаровней.

– Эй! Я вообще-то здесь, – возмутилась та. – И все слышу!

– Да неужели, – усмехнулась афроамериканка.

– Может это вас всех из пентхауса зарежут и выпотрошат?!

– Нет, милочка. Мы там все неприкасаемые. В хорошем смысле этого слова. К тому же по первой жертве и так все ясно. И этаж ясен. И характер будущих жертв. Баал предпочитает детей, молодых людей и прочих личинок. Взрослые для него жестковаты. А вы в самый раз. Инспектор, у вас ко мне всё? Тогда я вернусь, пожалуй, к напиткам и лобстерам.

– Вроде, да... Хотя, постойте. Жаровня. Она имеет какой-то смысл? Для работорговцев или жрецов?

– Для работорговцев никакого. Для жрецов чисто утилитарное. Мясо коптить. Тело жертвы делилось на части. Самые лакомые куски жрецы забирали себе и поедали во время ритуальной оргии.

Крейн крякнул и с силой поскреб небритый подбородок.

– Так что на твоём месте, девочка, – повернулась к Валенсии афроамериканка, – я бы ходила по коридорам оглядываясь. И не лезла куда не просят. А то твои пухлые ляжечки украсят чей-нибудь обеденный стол. До скорого, инспектор. Я буду наверху.

Она потрепала Валенсию по щеке и удалилась.

– Вот сука, – пробормотала Валенсия, глядя ей в спину. – Слышь, Крейн. Она наверняка что-то знает.

– Умгму... – проворчал Крейн, оглядывая косяк двери и замок на ней. – Кстати, дверь-то на кухню – взломали.

Судмедэксперт с грустными выпуклыми глазами и короткой седой бородкой был похож на иудейского патриарха, которому зачем-то остригли бороду. Он сложил в кейс инструменты, посмотрел в последний раз на снятое со стены тело и сказал:

– Алекс, я закончил. Тебе подробно или выжимкой?

– Выжимкой, – ответил Крейн. – Подробно я лучше в отчете почитаю.

– Тогда так. Смерть наступила в районе полуночи, точнее с двенадцати до часу ночи. От

глубокой раны на шее. Ей перерезали сонную артерию. Скорее всего во сне. Следов сопротивления нет. Резал не профессионал, очень грубо. Рана рваная. Уже мертвую ее завернули в пленку, принесли сюда и на разделочном столе выпотрошили. Внутренности сожгли в печи. Тело прибивали к стене, встав на жаровню. Потом разожгли под ней огонь. Работали в перчатках, никаких следов не оставили. Что интересно. Прибивали не гвоздями, здесь бы грохот стоял на весь этаж. Прибивали деревянными клиньями в заранее высверленные отверстия. Так что можешь попробовать найти тех, кто сверлил. Но даже клиньями прибить нужна недюжинная сила. Так что среди преступников наверняка есть двухметровый амбал, способный одним ударом насквозь пробить человеку ноги. Деревянным клином. Вроде всё.

– Не густо.

– В лаборатории подробнее осмотрю, может еще чего накопаю.

– Угу... У кого-нибудь появилось что-нибудь новое и полезное? – громко спросил Крейн.

Роющиеся в мусоре, в шкафах и ползающие по полу детективы замотали головами.

– Одно хорошо, – повернулся он к Валенсии. – С двенадцати до часу, это как раз то самое время, когда мы с тобой кантрибобиком кувыркались. А значит, ты, моя дорогая, вне подозрений.

– А я была под подозрением? Я что, похожа на двухметрового амбала?

– Нет, но на человека, способного заставить двухметрового амбала делать всё, что угодно, ты похожа больше всех... Хотя, – он прищурился, – ты ведь могла приказать амбалу выпотрошить жертву самостоятельно. А сама в качестве алиби пошла кувыркаться.

– Глупости. У меня мотива нет. Меня только вчера привезли. За такое время мотив не появится. И, кстати, перечисляя подозреваемых, ты забыл одного.

– Кого?

– Босса!

– Он был в своем пентхаусе с гостями.

– Ничего подобного! Он был в моей комнате и ушел за десять минут до тебя!

У Крейна вытянулось лицо.

– А... так вот ты почему голая была. Босса обслуживала. Я-то думал, вот девка идеальная, не успел зайти, а она уже течет, как сука. А это вон чё было... А ведь я уже успел забыть, что ты шалава.

– Дурак! У нас с ним не было ничего.

– Ага, рассказывай. Чтобы этот озабоченный был рядом с твоей голой жопой и не насадил ее на кукан? Никогда не поверю. Он трахает все, что шевелится, а что не шевелится – расшевелит и трахнет.

– Не мой случай. Не хочешь – не верь. И вообще – тебе-то что за дело? Решил на меня права собственности заявить?

– Я что, сутенер, на шлюху права заявлять?

– Сволочь!

– Шкура гребанная.

Она резко отвернулась, встряхнув волосами и сложив руки на груди. Он сперва рванул в угол, где два детектива копались в мусорном бачке. Но сразу вернулся.

– Знаете, что, девушка? Не уходите никуда. Мне вас допросить надо.

– Наручники с плеткой не забудь, допрашивальщик хренов.

Он с силой схватил ее за предплечье и поворот к выходу.

– Мы в допросную, – бросил он констеблям. – Я скоро вернусь.

– Приятного допроса, – жеманно улыбнулся директор Марш.

– Допрос свидетеля Валенсии... Как у тебя фамилия? А, не говори, я знаю твою фамилию. Твоя фамилия Шалава. Итак, допрос Валенсии Шалавы.

– Кретин.

– Как давно вы знаете жертву, госпожа Шалава?

– На целых пять минут меньше, чем некоего гандонистого охранника, который любит оскорблять проходящих мимо девушек, инспектор Тупень.

– То есть вы признаетесь в том, что целенаправленно искали именно ее?

– Да нет же! Я встретила ее совершенно случайно. Она рыдала в одной из пустующих комнат. Я хотела ее успокоить.

– Каким образом? Перерезав горло?

– Нет, выслушав и посоветовав не париться.

– О, да вы гений психологии, мадам Шалава. Эта методика помогает вам в нелегком труде по раздвиганию ног перед незнакомыми мужчинами?

– Вам виднее, господин Вялый Член.

– Ну, конечно, у босса-то он крепкий, большой и вечно торчащий.

– Именно так. Он постоянно готов, не то что ваш. А еще его безумно приятно сосать.

Когда язычком так медленно вокруг головки, а потом в отверстие уретры кончиком...

– Сука!

– ... а потом всасываешь в рот эту упругую, большую, так что губы растягиваются до упора...

– Твои губы? Растягиваются? Сказки не сочиняй. Чтобы твои губищи растянуть, нужно в них десяток залуп затолкать одновременно.

– А он у него как раз такой, по ширине с десяток, не то, что у некоторых. И по длине норм, как раз в горло достает, так что задыхаешься. Он в горло долбит, а высунутый язычок по стволу гуляет, яйца облизывает, губки в лобок упираются. М-мм... А уж когда этот толстенный хер в пизду входит... о, вот где кайф...

– Заткнись, стерва!

– В голове только одна мысль – сейчас он меня разорвет. Но он не разрывает. Он начинает двигаться. И это – космос. Ебучий фейерверк. Большой Взрыв. Когда это траянова колонна начинает сношать... Тебе не понять. Хотя, если я его попрошу, он может и тебя выебет? Ты как? Попросить?

– Большой Взрыв, говоришь?

(звук отодвигаемого стула)

– Я те, шлюха, сейчас такой взрыв устрою...

– Ай! Больно!

– Иди сюда, блядища.

– Нет!

– Чего нет? Тебя никто не спрашивает. Башку вниз опустила. Жопу подняла.

(треск раздираемой ткани)

– Давай сюда свою щелку сладкую. Вот так... Вот она моя красавица... Ноги шире раздвинь...

(резкое хлопанье)

– А-а!

– О, кайф... Она у тебя опять мокрая.

– Ох... ох...

(скрип стола, шлепки о задницу, вскрики, стоны)

– Ну, как? Вялый? Маленький?

– А... а... а...

– Что, нравится, сука, когда тебя раком жарят?

– Да... да...

– А вот так нравится?

– Да... еще... еще... м-м...

– Нравится, шлюшка? Насаживайся давай, насаживайся. Ох, жопа пухлая... пизда тугая...

– Да... да... Еби меня... Еби... Быстрее!

– На! На! На!

(ритмичный скрип трясущегося стола, шлепки и громкое хлопанье)

– Ааааа!

– О да, детка...

(долгое молчание, хриплое дыхание)

– Черт! Крейн! Ты мне всю спину залил!

– Ну а что ты хотела? У меня было два варианта. Кончить во влагалище. И кончить на жопу. Немного промахнулся. Ты бы что выбрала? Влагалище?

– Мудак. На салфетки, вытирай мне спину.

(шуршание бумаги)

– Блин... Никогда бы не подумал, что меня возбуждает мысль о том, что мою бабу кто-то пялит... Меня эта твоя болтовня так завела...

– Это потому что ты латентный куколд, милый. Давай как-нибудь пригласим босса. Он меня будет ебать, а ты будешь смотреть.

– Слушай, Вавилония... Ты больная на всю голову.

– Я Валенсия.

– Не-е-е. Ты – Вавилония. Столица изврата и разврата.

– погоди. А что означает этот горящий огонек?

– Мля...

– Ты что, все записывал?!

– Хуже. Это все сразу шло в сеть и на облако. Правила полицейского департамента. Допрос все-таки.

– Нет, Крейн. Ты не куколд. Ты какой-то гребанный мудень.

(щелчок. Конец записи)

Звонок раздался, когда они входили в ресторан.

Крейн выудил мобильник и чертыхнулся, увидев, кто звонит. Поднес к уху.

– Да, господин комиссар!.. Никак нет, господин комиссар... Но... Это чистая случайность. Кнопка западала и не выключалась... Нет... Нет... Это свидетельница, господин комиссар... Важная... Да, одна из учениц... Ну, что вы. Я разве похож на педофила? – повернулся к Валенсии. – Тебе двадцать один есть?

– Нет, – злорадно ответила она.

– Есть, господин комиссар. Ей уже давно двадцать один... Никак нет, я не собираюсь дискредитировать расследование. И департамент тоже... Виноват... Есть прийти на дисциплинарную комиссию.

Он сунул мобильник обратно.

– Ф-фу-ух... Могло быть и хуже. Думал, выгонит с треском. Наша с тобой запись уже в списке «топ дня», вся ночная смена департамента ее слушает.

– Всегда мечтала о популярности.

– Ну теперь-то ты прекратишь меня доставать со своим «забудь, что между нами было»? Тут свидетелей побольше, чем Марш с кучкой охранников. К полудню полгорода свидетелями будет.

Он усмехнулся.

– О, я гляжу, тебе смешно. Опозорил на весь город, а теперь смеется!

– Да ладно в бутылку лезть. Где тут «опозорил»? Это же для тебя обалденная реклама. Клиентов прибавится.

Валенсия резко развернулась и с размаху съездила ему по физиономии.

– Эй! Ты чего?!

– Какая же ты скотина, Крейн...

Она быстро пошла к выходу из ресторана.

– Ты куда?!

– К себе. Сам же сказал, девкам из своих комнат не вылезать. И приходить не вздумай, урод! Заявишься – еще получишь!

Она грохнула дверью.

Крейн недоуменно почесал затылок.

У входа на кухню стоял директор Марш и все так же жеманно улыбался.

– Как прошел допрос, инспектор? Удачно вдули... э-э, пардон, допросили?

Крейн прошел мимо, не ответив.

У плиты стоял один из детективов и курил, стряхивая пепел в банку с солью.

Крейн достал сигареты. Спросил у него хмуро:

– Есть чего новое?

Детектив поднес зажигалку и медленно покачал головой.

– Полный ноль. Никаких следов. У меня такое впечатление, шеф, что нас водят за нос.

– Почему?

– Ну сами подумайте. Они тут занимаются какой-то фигней, которую называют бизнес-магией. Сами же рисуют на уроках эти пентаграммы. И тут – убийство. Камеры не работают. Ни одна. За стеной тюрюга с маньяками. Охрана только палки в колеса сует. Наверху веселятся какие-то денежные мешки и рассказывают басни про Темных Богов. Все это сильно смахивает на какую-то игру. Из тех, что придумывает «золотая молодежь» от безделья.

– Думаешь, надо пощупать гостей из пентхауса?

– Похоже на то.

– Погоди, что ты сказал про камеры? Как не работают?!

– А вот так. Этот их главный сказал, что вчера был скачок напряжения. И все видеонаблюдение накрылось. То есть у нас ни камер, ни свидетелей, ни следов.

– Прекрасно...

Крейн нашел глазами босса. Тот стоял у выхода и что-то напористо говорил Маршу. Сперва директор службы безопасности энергично мотал головой. Потом вдруг нахмурился, кивнул и вышел.

Босс обвел глазами помещение, встретился глазами с Крейном и лучезарно улыбнулся.

Здесь всегда царил полумрак.

Древние каменные своды за века покрылись известковыми наростами и напоминали пещеру. Единственный луч света пробивался из маленького отверстия в потолке и падал на гигантскую раскрытую книгу, почти в два метра размером. Она лежала на массивном каменном столе, украшенном искусно вырезанными рогатыми мордами. Потемневший переплет книги был сделан из костей и человеческой кожи. Пергамент страниц был светлым, полупрозрачным и шелковистым на ощупь. Он ласкал пальцы. На него ушла кожа почти тысячи младенцев.

Сидящая за столом скособоченная фигура пошевелилась, выпростала из-под сутаны скрюченную темную руку. Перевернула очередную страницу. Надвинутый до глаз капюшон полностью скрывал лицо. Наружу торчал только костистый, как у мумии подбородок.

В полутьме выхода мелькнула чья-то тень.

– Я прос-сил не мешать...

– Прости, Верховный... Важная весть.

– Говори...

– Мы нашли ее.

– Ка-ак...

– Слуги с поверхности переслали запись.

– Включай.

Тень достала из складок рясы диктофон. Щелкнула кнопка.

– «...пригласим босса. Он меня будет ебать, а ты будешь смотреть. – Слушай, Вавилония... Ты больная на всю голову. – Я Валенсия. – Не-е-е. Ты...»

Тень выключила запись.

Наступило молчание.

– Мы провели ритуал опознания, – наконец, сказала тень. – Это она. Идеальная жертва.

Снова молчание. Только было слышно, как где-то в глубине пещер капает вода.

– Хорош-шо. Можете начинать подготовку.

Тень поклонилась и исчезла.

Верховный жрец некоторое время сидел неподвижно. Потом пошевелился и поднял голову. В темноте под капюшоном сверкнули красным глаза.

Сипение вырвалось из его горла, прежде чем он повторил имя.

– Валенс-с-сия...

Глава 7. Вечеринка

– Ну, что там? – Льен перегнулась через балконную перегородку. Ее восточные глаза были вытаращены так, что напоминали глаза персонажей японских мультиков. – Наоми правда убили?

Валенсия бухнулась в кресло.

– Ей перерезали горло. Принесли на кухню. Выпотрошили. И повесили над огнем коптиться.

– Ж-жесть, – прошептала Селена.

– Зачем?!

– Что зачем? – спокойно переспросила Валенсия. – Зачем коптиться или зачем выпотрошили? Коптиться, очевидно, чтобы затем сожрать. А выпотрошили, чтобы кишки вкус мяса не испортили. Мы же свиней с коровами тоже потрошим, прежде чем из них стейки делать. Я вам больше скажу. Там одна сука была, всем нам известная. Банкирша с седым ежиком, которая нам лекцию днем читала. Так вот она считает, что мы следующие. Нас всех зарежут, выпотрошат и подвешат. Так прямо мне и сказала: скоро, говорит, твои ляжки пойдут кому-то на обед.

Теперь глаза вытаращила даже Селена.

– Чё, правда?!

Валенсия усмехнулась.

– Расслабьтесь. Шучу. По крайней мере насчет обеда. Если б хотели сожрать, повесили бы по-другому. Так мясо не закоптишь. Надо было на части рубить и в коптильню засовывать. А там... Вот я, кстати, фотку сделала, пока никто не видел.

Она достала смартфон перелистнула пару страниц и показала девчонкам.

Льен отшатнулась и зажала рот руками. Из глаз брызнули слезы.

– Ой, мамочки...

– Короче, рядом с нами появилась какая-то секта. Ритуалы, жертвоприношения и все такое. Сожрать не сожрут, но выпотрошить могут. Так что, девки, ходите, оглядываясь. И лучше в одиночестве не оставаться.

– Это будет сложно устроить, – сказала Селена. – Мы даже учиться обязаны у своих экранов. Кстати, пентаграмма вокруг нее, – она кивнула на смартфон, – в точности как на лекциях.

– Ага, – кивнула Валенсия. – Я вообще считаю, что все это дело рук суки с ежиком. Надоело заниматься теорией, перешла к практике.

– Только язык надписей тут какой-то другой, – Селена всмотрелась в экран. – Можем попробовать перевести.

Она достала планшет.

– Не-е, – замотала головой Валенсия, – только не извращенец из даркнета!

– Расслабься. Ему так понравилось, что он обещал всякую мелочь пару раз сделать бесплатно. Лучше скинь фотку.

– Если что, сами в секс-кабину полезете.

Планшет пикнул, принимая файл.

Селена отстучала запрос в чате.

– Пишет, что потребуется некоторое время, – сообщила она через минуту. – Примерно, к вечеру обещает. Значит, после экзамена.

– Думаешь учебку с экзаменом сегодня не отменят? – спросила Льен.

– А с чего? Когда другие пропадали, никто ничего не отменял.

– Других не убивали.

– Уверена?

– Меня только вчера привезли, – сказала Валенсия. – Какой мне экзамен?

– Индивидуальный. Будешь отвечать, что вчера и сегодня слышала. Карточки с ответами глянь, там все написано.

– Не, я лучше кое-что проверю насчет убийства, пока лекция не началась.

– А, понятно, – рассмеялась Селена. – В красавчика инспектора втюрилась? Хочешь за него работу сделать?

– Чего?! – рассвирепела Валенсия. – Втюрилась? В это грубое неотесанное животное? Какой он красавчик? Урод. Я его ненавижу.

– Ага, сказки рассказывай. Я вчера шла мимо твоей комнаты и слышала, как ты его всеми своими дырочками ненавидишь.

– Это была ошибка молодости. Больше не повторится.

– Да ладно. Не стесняйся. Все-таки специалист по мультиорганам. Не хрен собачий.

– Ого. Откуда сведения про мультиорганмы? Он что, вас всех отодрать успел?

– Не всех. Меня точно нет. Не в моем вкусе, слишком бледный. Но рассказов хватило.

– Курица-гриль нас неделю мучала баснями, как она от анала в один заход пять раз кончила, – добавила Льен.

Валенсия помрачнела. Вот сволочь, этот Крейн. А еще собственника из себя корчит.

– Курица-гриль, говоришь, – ее вдруг как током ударило. – А что ты делала в коридоре у моей комнаты в час ночи?

Селена пожала плечами.

– Шла в свою. От бассейна. Люблю ночью плавать. Так красиво. А что?

– Как раз в это время рядом убивали Наоми.

Селена прищурилась.

– Еще скажи, что на меня думаешь. Мы с ней не дружили, но убивать...

– Это точно не мы, – сказала Льен. – Даже курица-гриль на это вряд ли способна. А Грета вообще от вида крови в обморок падает. Я бы скорее на наших преподах подумала. Им с верхних этажей спуститься и человека прибить, как таракана тапком.

– Ага, – кивнула Селена. – Особенно мафиозо из вчерашних «Стратегий поглощения». Или кадровик из «Рабовладения». Но самый, сука, опасный – это фармацевт.

– О да, – сказала Льен. – Фармацевт – на всю голову от замороженный маньяк. Я бы с ним днем в толпе побоялась встретиться.

– Рабовладение? – недоуменно повторила Валенсия. – Фармацевт? Вы о чем?

– О преподах. Рабовладение, говорят, называлось раньше «Кадровой магией». Потом пришел главный кадровик «Амазона» и переименовал. Для него весь персонал – это рабы. От дворника до топ-менеджера. А умение ими управлять – рабовладение. Чтобы работали больше, а получали меньше. А лучше – вообще ничего не получали, а работали за идею. Это высший пилотаж кадровой магии.

– Еще он считает, что уволенный раб должен как можно быстрее умереть, чтобы не портить своими отзывами и рассказами имидж компании.

– А фармацевт – это бывший совладелец одного фармацевтического гиганта. Ведет курс «Эффективной психологии». Как добиться успеха за счет других. Хождение по трупам, методы выжимать все соки и все такое. Как довести конкурента до самоубийства. Как сделать зависимым целый рынок и драть с покупателей три шкуры. Говорят, это он «ковид» изобрел. Ну не сам конечно. Деньги выделил. Сперва на вирусе и панике заработал, а потом на вакцинах с масками. Короче, триллион на трупах поднял и в карман положил. Он на миллионах людей опыты устраивал, что ему каких-то девчонок зарезать?

– И рожа у него – бррр! – добавила Льен. – Сегодня увидишь.

– Ага, – сказала Селена. – Сегодня лекции и у фармацевта, и у кадровика.

– Если у него в кармане триллион, что он здесь делает? – спросила Валенсия. – Обучает бизнесу обычно тот, кто не сумел на этом бизнесе заработать.

– Наверное, хозяин всех этих коучей за яйца держит, – пожала плечами Селена.

– Узнать бы, чем?

– А как ты узнаешь? Сюда они спускаются редко. А к ним на верхний этаж забраться...

Селена замолкла, словно сболтнула лишнего.

– А что? К ним можно забраться? Я слышала, наверх только один путь – по лестнице мимо охранников.

– Врут, – прошептала Льен. – Есть еще один.

Перелезть через балконные перегородки было утомительно. Мимо за окнами тянулась уже десятая покинутая комната.

– Далеко еще? – спросила Валенсия.

– Всё. Уже пришли, – Селена подошла к стене и дернула едва заметный рычаг.

Сверху открылся люк, и по стене сползла пожарная лестница.

– А там точно никого нет? – прошептала Льен. – Помнишь, в прошлый раз мы еле ноги унесли.

– Если б кто был, лестница уже была бы спущена. Валенсия! Лезь быстрее, а то и впрямь кто-нибудь появится.

Валенсия взялась за перекладину.

– А вы не ползете?

– Нечего там вгроем делать. Сама все увидишь.

Где-то на полпути она глянула вниз и увидела, что Льен стоит задрав голову и приоткрыв рот и смотрит ей под юбку. Глаза у нее опять были по полтиннику, как у персонажа японских мультиков.

– Льен! Ну что ты там увидела? Мне от твоего взгляда между ног жарко.

– Прости, – пискнула Льен и отвернулась.

Селена заржала и отвесила ей подзатыльник.

Валенсия просунула голову в люк и осмотрелась.

Это был тесный тамбур с голыми бетонными стенами.

В одной из стен была массивная железная дверь. Без ручек, замков и глазков. Только рядом виднелась панель доступа и горел красным сканер.

Валенсия подошла ближе, поковыряла ногтем панель, сфоткала на всякий случай, приблизила глаз к сканеру. Загудел зуммер, и на панели появилась красная надпись «Доступ

запрещен».

Она обошла тамбур, щупая стены. Спустилась обратно.

– Тут не пройти. Там сканер сетчатки.

– Нам не пройти, – сказала Селена. – А вот наши коучи и хозяин с его гостями могут шастать туда-сюда когда захотят.

– Полиция об этом ходе знает?

– Ты о своем любовничке? Вряд ли. Он хоть и охранником подрабатывал. Но доступ получил ограниченный.

– Получается, что ни у наших коучей, ни у толпы с хозяйской вечеринки нет никакого алиби. Любой из них мог спуститься, зарезать Наоми и вернуться обратно незамеченным. И в любой момент может это повторить.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4nw>